

A man in medieval-style armor, including a helmet with a visor and a breastplate, stands in a dark, misty forest. He holds a sword aloft in his right hand and a handgun in his left. In the foreground, a dark-colored dog, possibly a pit bull, looks towards the camera. The scene is lit with a blue and green glow.

попаданец

ПОПЫТНЕР

Владимир Малыгин

**ПРИКАЗАНО
ВЫЖИТЬ!**

Владимир Владиславович Малыгин

Другая Русь.

Приказано выжить!

Серия «Другая Русь», книга 1

Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480475

В. В. Малыгин. Другая Русь. Приказано выжить!: ООО «Издательство

АСТ»; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-107890-4

Аннотация

Очнувшись в незнакомом лесу, что вы будете делать? Скорее всего, сначала попытаетесь понять – где вы оказались? И что делать, чтобы добраться до обжитых мест? Вот и Владимир, осознав, что попал в чужой лес и в другое время, начинает задавать себе вопросы. Почему и для чего он оказался тут? Где путь домой? Теперь бы ещё найти ответы. А пока ответов нет, просто надо выжить. Сумев добраться до людей, умудрившись вписаться в местное общество в маленьком поселении, обретая друзей и единомышленников, можно перебираться ближе к древним городам Пскову и Изборску, ведь смертельная опасность угрожает князьям Трувору и Синеусу. 862-ой год. Всё впереди.

Что нужно сделать, чтобы никогда не резали язык вечевому колоколу вольного города? Как будет развиваться история северо-запада, если князья выживут?

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Прогулялся... но выжил	8
Глава 2. Первая встреча. Легализация. Хочешь, не хочешь, а жить-то надо	54
Глава 3. Работа, работа...	86
Глава 4. Нежданные гости. Первый бой и первые трофеи. Пора вооружаться...	117
Глава 5. Новое оружие. Засада на лесной дороге	146
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Владимир Малыгин

Другая Русь.

Приказано выжить!

© Владимир Малыгин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Огромная благодарность за помощь и поддержку моей жене Татьяне и сыну Антону.

Отдельное спасибо людям, научившим меня думать и жить, в частности моей учительнице Таисии Петровне Волкович, ставившей мне трояки за блестяще вызубренный текст и на мой возмущённо-недоумённый вопрос: «За что?!» отвечающей: «Вызубрить школьный учебник любой сможет. А ты найди и прочитай дополнительный материал, обдумай его и расскажи своими словами. Учись учиться».

Спасибо инструкторам в училище, распахнувшим передо мной голубые необъятные горизонты.

Спасибо моим командирам за науку, понимание и поддержку.

Спасибо окружающим меня друзьям и недругам. Первым за то, что они просто есть. А вторым за то, что не дают застояться и закиснуть.

Пролог

– Брат, искр становится всё меньше и меньше и силы наши тают. Решайся! Или мы так и останемся в забвении, или используем этот шанс.

– Хорошо, собираем силы. Только мало их осталось... И что мы сможем дать посланцу? Ничего почти нет.

– Дадим хоть малость. И будем надеяться, ведь ничего другого нам и не остаётся.

– Хорошо! Передай Апи, пусть своих на помощь призывает...

Глава 1. Прогулялся... но выжил

Уфф, наконец-то закончились бетонные работы – сделал семь замесов в бетономешалке, теперь можно и отдохнуть, достать пивка холодного из холодильника, благо купил разливного в магазине, когда ехали из города, тихо-тихо сесть на любимый диван поближе к телевизору и попросить супругу нарезать немного закуски. Много не надо, потому как с пивом много еды – это уже перебор и совсем не в тему, и наконец-то расслабиться! Но, увы, пролёт – размечтался! Ещё есть большая чёрная проблема по прозвищу – ГРОМ! Мой любимый и шальной корс! И вот эта проблема уже требует идти гулять! Делать нечего – подрываюсь из последних якобы сил и бодро топаю на прогулку... ну или он меня топает – так, что еле-еле его удерживаю на поводке, а без поводка весь близлежащий дачный район будет закошмарен.

Радует только то, что лес практически за забором и прогулка предполагает, что пивко не успеет нагреться. Уже вставая с дивана, успеваю бросить взгляд на экран телевизора и услышать напоследок о какой-то суперзмее, которая якобы кучу народа покусала до смерти, и еще больше народу сгнуло в неизвестности...

– Володя! – останавливает меня в дверях звонкий голос супруги. – Ну-ка надень чистую футболку и не позорь меня!

Володя – это ваш покорный слуга, пенсионер, красный во-

енлёт, ушедший на заслуженный пенсион в лихие девяностые, когда страна неслась со скоростью экспресса по рельсам окончательного развала к развитому рыночному капитализму, в котором не было места ни советской промышленности, ни совхозам и колхозам, ни армии. Даже простому народу там места не было. Всё тихо и планомерно уничтожалось, а на смену заводам и фабрикам приходили рыночные развалы с китайским некачественным барахлом, бывшим тогда за счастье. Всё и все продавалось и распродавались. В этом развитом капитализме можно было не платить зарплаты по несколько месяцев, а если платить – то частями и по чуть-чуть. Вот и приходилось крутиться, как той белке, чтоб семья хоть как-то могла жить в то тяжёлое для людей время. Хорошо хоть, что, в конце концов, к власти пришёл человек, сумевший остановить этот развал, осадить страну, как ту тройку или разогнавшийся экспресс... Жизнь начала потихоньку налаживаться. После того разгула и вольницы, после разнузданности тяжело наводить в стране порядок. Ничего... выживем. Не в первый раз.

А теперь вот достраиваю свой дом, в котором мы с женой и живём сейчас, – решили уехать за город, потому что надоела суета городская. Жена, Танюшка, продолжает трудиться на благо нашей стройки, а я, в качестве бесплатной рабочей силы и мастера на все руки, воплощаю её и свои идеи в дело. Благо президент, правитель наш, пенсию воякам наконец-то дал более-менее достойную – не сравнить с той, что была,

когда я увольнялся. Хотя нам, летунам, грех на жизнь жаловаться – всё-таки денежное, да и вещевое содержание у нас всегда было лучше, чем у других.

Вот так и живём теперь – сын в городе, а мы в деревушке-пригороде. И не жалуемся, потому что – нравится! Строю всё сам – и бетон, и кирпич, и дерево, и отделка. Как говорят наши друзья – руки золотые. А всё из детства. Сколько себя помню, то у деда втихаря доски таскаю и что-то пилю, строгаю, а потом огребаю, то с отцом на даче трудимся. Почему огребаю? Потому что те же доски купить или, что точнее, достать было практически невозможно. М-да. Потом, когда уже постарше стал, пошёл сначала в кружок моделизма на Станцию юных техников и до училища так там и крутился, даже преподавал после школы немного, опыта и умения поднабрал. А по вечерам борьбой самбо занялся в бывшем клубе «Альбатрос». Увлёкся даже, начало хорошо получаться, призы по городу брал. Потом, правда, пришлось оставить это дело из-за шумов на кардиограмме, потому как собрался в училище. Зато по жизни очень пригодилось. Почему в бывшем клубе? Так снесли его, как те же заводы и фабрики. Да. А трудовой стаж у меня и пошёл от той Станции. Благо раньше, при Союзе, это было гораздо проще, чем сейчас. А сейчас этот стаж никому не нужен. Пенсия-то военная. Вся жизнь в армии. Ну а уж после армейских институтов можно трудиться почти на любом поприще, особенно если немного подучиться по нужному профилю и литературку соответ-

ствующую почитать.

Отвлёкся немножко...

Надеваю белую футболочку, чистые треники и – диссонансом ко всему этому (потому что удобно) – резиновые галоши местной фабрики на войлочной стелечке. Брызгаю из баллончика противокомариный спрей себе на спину и руки, и вперёд, а то мой собыш уже поводок на зуб наматывает.

Прохожу вдоль забора, и вот она – опушка. Соседей нет, дачников не видно, чужих собак тоже – ни к чему нам лишние проблемы, и отпускаю поводок на все семь метров. Чёрная торпеда лихо тянет меня за собой по тропинке – я даже местами перехожу на лёгкий бег. Потому что на траве особо и не упереться – собыш весит-то почти как я. Так и тянет меня всё дальше и дальше в глубь леска, а лес-то почти исторический. Там дальше ещё и ручеёк будет, когда-то в древние времена бывший солидной рекой, по которой ладьи ходили с зерном и рыбой.

Вот так мы с ним и гуляем – собыш все попутные кусты обнюхивает – метит то, что ему надо и тянет вперёд. Сделав свои собачьи дела, немного успокоившись, продолжает обследовать территорию в пределах свободы, даруемой брезентовым поводком.

Чувствую, что уже пора поворачивать назад. Отмахали где-то километра два с половиной, а то и все три по лесу – уже глуше стало, комары так и выются, паутина и сумрачно. Деревья пошли мощнее, да и пивко дома может нагреться –

в общем, пора нах хаус, как говорят у них... Вот сейчас дойдём до горелой плечи и разворот на обратный маршрут.

Громчик метнулся вправо в папоротники и заполошно залаял, захлебнулся, пискнул и резко рванул ко мне. Поворачиваюсь – мама дорогая! Она! Змеюка полосатая и с гребнем каким-то на своей плоской черепушке. Не шипит – смотрит, но взгляд так и затягивает, до галошиков пробирает. Хотя нас, военлётов (бывших-то военлётов не бывает), взглядом не пробить, но забирает до жути, да ещё я змеюк с детства не люблю, хоть и вырос в южном Приморье. Там-то этого добра хватает.

Стою – глаз не отвести. Мощный рывок поводка, и лечу куда-то в кусты. Удар, мрак, всё...

Руку кто-то дёргает, да сильно так. Сейчас, сейчас погодите. Страшно-то как потерять сознание. Летунам на подкорку вбивают – с тобой может случиться всё, что угодно, но при этом не вздумай в обморок упасть. Сразу прощай любимая лётная работа.

Опять рывок, и мягкий, горячий язык моей собаки слизывает страх.

– Погоди, Громушка, отстань – дай оклематься. Ёшкин кот, да меня ж хозяйка твоя теперь закусает. Смотри, что с футболкой-то стало. Была белая, стала серая – как в сказке...

Глазами влево, вправо – вроде тихо всё, можно шевелиться – сажусь. Собыш наваливается сбоку, вроде как подпирает (футболке совсем кранты) – тишина вокруг... Даже птиц

не слышно, и деревья не шумят. Стоп! Деревья! Деревья-то совсем другие, огромные, и какие-то... Дремучие, что ли? Стоят, мхом обросшие, даже пряди свисают. Опять же, как-то заросло всё вокруг – было же гораздо светлее и просторнее.

Ну что, посидел, посмотрел – пора и вставать потихоньку. Голова сразу поехала, закружилась, но вроде ничего, успокоилась. Облокотился на дерево, да и Гром помог – поддержал, подпёр, стою вроде.

Лесок-то на наш совсем не похож. Куда-то меня не туда занесло. Надо определиться, что там по сторонам, где там дом мой? Вроде надо нам на северо-восток топать. Вот и топтаем потихоньку. Голова проходит, и я начинаю осматриваться уже более основательно. Места совсем незнакомые, наш-то лес мы с собакой от и до изучили. А собака моя всё время рядом держится – уже не лезет вперёд и поводок не натягивает – все «страньше и страньше», как говорят. Вот ещё и дорожки-тропинки пропали, куда же мы попали?

Руки начинают подрагивать – спинной мозг уже включился и почуял неладное, а главные мозги в голове ещё стопорят. Ладно – тормознём и подумаем. Однозначно, лес – не наш! Всё остальное можно отложить на попозже, пока что-то не прояснится. И надо выходить на дорогу и к цивилизации. Там и узнаем, куда нас занесло. Вперёд!

После часу пробивания дороги через лесные джунгли (пришлось вспомнить таёжное детство) в голове посветле-

ло, и мысли наконец-то начали укладываться как положено и крутиться в нужную сторону – очень уж не похож этот лес на наши пригородные леса. Больно дремуч и кондов! И опять же – ни троп, ни дорог, ни шумов цивилизации. Небо и то чистое в нашем-то районе, где обычно самолётов, как «бык накидал»... А в голове уже мысли крутятся подозрительные и как-то совсем не радостные, а даже очень наоборот. А каким им ещё быть? Галоши, от которых ноги за час ходьбы по бездорожью уже ноют, треники и футболка, уже почти маскирующего цвета, и собака, грустно волочащаяся сзади. Пожалуй, собаку лучше отпустить, толку больше будет. Отцепляю Грома, сматываю поводок и вешаю на плечо. Вперёд, дорогу осилит идущий! Так и топаем потихоньку – вверх, вниз, по ориентирам, чтоб направление не терять, и по моим прикидкам уже оттопали около пятёрочки. Пора остановиться, отдохнуть, подыскать какой-нибудь родничок. Попить, посидеть, помыслить о высоком, попробовать разложить приключившееся по полочкам, так как мысли уже из головы выпрыгивают.

Через часок набрали на ручеёк в мелком овражке – вот тут и остановимся, осмотримся. Водичка вкусная, ледяная, роднички по дну песочек гоняют, бурунчики крутят – красота! И к этой бы красоте какой-никакой бутербродик, так на полбатона где-то, и колбаски докторской соответственно... М-да... Мечты, мечты. Ягод нет, травок съедобных пока не видел. Птички щебечут высоко, кролик в руки не прыгает.

Короче, попал по самое не балуйся. Сижу, думаю, благо голова уже почти не болит и других патологий организма не наблюдается. Выводы на скорую руку рисуются плачевные. Хотя я же жив, значит, не всё так плачевно. Еда... да что-то всё о желудке, да о желудке, сейчас надо главное обмусолить – что, где и как? Первый и основной вывод такой – попал, провалился, перенёсся, и виновата в этом перемещении, похоже, та полосатая зараз-з-за!

Дальше... А вот тут уже хуже, потому как книжки я люблю читать и читаю всё, как говорится, что под руку попадётся, и там правильному попаданцу, сверху или снизу (кому как больше нравится), сыпется много нужных и полезных для него плюшек – а тут полный песец – ничего. Я даже встал и в кусты заглянул – где там этот большой, чёрный и лакированный рояль? Обидно, да-а, панимашь – пусто... И в голове тоже вроде ничего не прибавилось – по крайней мере, ничего не ощущается нового... Значит, делаем выводы – я какой-то неправильный попаданец или, скажем так, нетипичный, невезучий. Хотя про везение бабушка надвое сказала – я же жив! И вот тут меня и пробило наконец-то до самого доньшка! Наконец-то до меня дошло в полной мере, что со мной произошло. Дома жена любимая единственная ждёт с прогулки, опять же – ужин готов (опять о еде), а я тут неизвестно где – почти что на бревне, хотя лучше было бы на Кипре. Там хоть теплее и море опять же, а на море только дурак голодным останется. И с Кипра до дома хоть

как-то добраться можно... Ёшкин кот – опять о еде... Что-то я задёргался, за жену распереживался – как она там, моя любимая? Представил, и так мне погано стало, что завыл я волчьим воем (правда, не громко – тихонько так, от безысходности и понимания ситуации).

Собака рядом поскуливает, переживает. Тоже – ещё одна проблема. Кормить же надо – пёс ведь не охотничий ни разу. По легендам – боевой был когда-то в Древнем Риме. Ладно, жить захочет – добудет что-нибудь, ну, или я добуду. Вроде отпустило немного, подуспокоился.

Продолжаем думать дальше. Пока ничего не ясно – просто тупо смиримся с попаданством и продолжим набирать информацию, а там уже и дальше осмысливать будем.

Про жену, сына, дом лучше не думать пока – отодвинуть. Тут ничего не сделаешь – задвигаем эту рвущую боль в уголок души, если получится.

Что на текущий момент самое необходимое для меня, ну и для собаки моей? Правильно – что-нибудь съесть, ну или кого-нибудь.

Ещё разок осмотримся, по карманам пошаримся, может, там что-нибудь заваялось полезного или вдруг появилось!

М-да, надежда умирает последней. Ничего там не появилось. Одел-то чистенькое, после стирки, а жёнушка моя (по сердцу опять железной лапой скребнуло) из карманов всё вынимала.

Что-то только минусы кругом. Но ведь и плюсы обязатель-

но должны быть – просто я их не вижу пока.

Думаем! Из плюсов – тепло! Похоже – начало лета...
Опять же – ручей...

Ручей! Что тут за ручей? Ничего так ручей – вода уже мной опробована, чистая, вкусная, холодная... На дне – песочек, роднички всё так же бурлят тихонько, песчинки бултыхаются, крутятся и больше ничего.

Ещё что?

Да самое главное – я ЖИВ! И если никто не постарается мне помешать – я выживу! И вернусь! А если постарается – я ему не завидую!

Так, дальше – ни ножа, ни огня пока нет. Одежка пока сойдёт, до ночи ещё час-другой, поскольку если думать, что попал в то же время, откуда провалился – то сейчас должно быть часов восемь, девять вечера – и солнышко этому соответствует. Значит, надо готовиться к своему первому ночлегу.

Пёса так и сидит рядом, не мешая, комаров только крокодильей пастью гоняет, что удивительно – его ж на месте больше десяти секунд было не удержать, а тут как подменили собакина.

Думаем дальше – ночёвка... Ночёвка – это однозначно, понимаешь... Ночевать придётся где-то повыше, на верхотуре. Так, на всякий случай. Надо дерево быстро подыскать, пока ещё светло. А когда тут темнеть начнёт – неизвестно. Встаём и вперёд – ищем подходящий вариант!

Спустя минут сорок – пятьдесят поисков недалеко от ручья нахожу то, что мне подойдёт. Метрах в четырёх от земли большая развилка – дальше дерево, видать, было надломлено и закрутилось винтом. Можно забраться и полусидя переночевать.

Однако быстро темнеет. Командую собакину – гулять! И лезу наверх. Тяжело-то как, всё-таки уже за полтинник перевалило. Ничего, вспомнил своё босоное детство – забрался, уселся, можно подремать, утро вечера мудренее...

И как птицы спят на ветках? У меня вот совсем не получается, ветка твёрдая какая-то попалась, однако далеко не матрац – всё мое сиденье или седалище затекло.

Опять же – холодно, и мысли никак из головы не выкинуть. Мечутся по кругу – жена – сын – дом – попал – и что делать.

Собака молчит, хоть бы раз тьякнула. Хотя хорошо, что не тьякает. Значит, всё тихо кругом, что опять же странно – всё ж таки лес-то дремучий. Где хоть живность какая-нибудь?

Хотя хорошо, что живности нет. Любая мало-мальски агрессивная живность сейчас была бы явным перебором. Лучше с этим завтра будем разбираться!

Вот так и проходит самая тёмная часть ночи – почти непрерывное ёрзанье на ветках, писк вездесущих комаров, тревожные мысли по кругу и нетерпеливое ожидание скорого рассвета. Для чего? А чтоб быстрее определиться.

Наконец, начинают чирикать что-то своё птицы, между

деревьями пополз белёсый туман, и предутренний холодок согнал меня с дерева на землю, в серую предрассветную мглу.

Как же все косточки болят! Надо размяться немного, чтобы согреться и кровушку разогнать по жилам. Из-под кустов высовывается чёрная морда собаки и смотрит вопросительно – а когда завтракать будем?

А с завтраком надо реально что-то придумывать – в животе уже кишка на кишку протоколы пишет. Умылись, тут же водички похлебали, вроде как и позавтракали.

Ночью сколько ни вслушивался – ничего не слышал. Никаких технологических, цивилизационных шумов не было. Собаки, и те не лаяли. Дымом тоже не пахнет – как некурящий человек, я дым могу учуять издалека.

Если грамотно оценить обстановку, то нужно двигаться вниз по течению – может, ручеёк в какую-нибудь реку бежит. А вся цивилизация всегда развивается ближе к любой воде. А мне нужно к ней поближе. Правда, к цивилизации тоже нужно приближаться с великой осторожностью. Благо, книжек я прочитал немало и общий вывод сделал такой – не всякая цивилизация благо, и от некоторой лучше держаться подальше.

И опять же – чем ниже по течению, тем ручей шире, и присутствие в нём съедобной живности увеличивается почти прямо пропорционально ширине ручья.

И ещё! Реально оцениваю свои шансы на охоту с голыми

руками как нулевые, тогда как рыбку поймать я всегда смогу. В детстве рыбу всегда руками ловили, да и всякие ловушки-загончики делали. Эх! Только рыба бы была в наличии, а уж поймать я её поймаю.

Ну что – двинули! Пошли, собакин!

Топаем часика два. Ручеёк расширяется – появляются мелкие заводи. Как говорится, переплюнуть можно, но ведь появляются! Всё веселее становится. Смотрю, мальки мельтешат, снуют туда-сюда, посверкивают боками. Продолжаем топать.

А солнышко-то уже почти в зените, километров десять пройдено. Хорошо завалов больших не было – идти тяжело, всё-таки заросли.

Собака по кустам бегают – кого-то там гоняет, но не похоже, чтоб поймала кого-нибудь. Ручеёк ещё больше разлился – подойдём к берегу. Глянем, что тут.

Есть возможность попробовать поймать рыбку – пробуем! Начинаю из камушков выкладывать что-то вроде запруды с проходом, а проход этот отвожу в сторону на мелководе. Делаю там нечто похожее на улитку, с ямкой в самом конце. Провозившись немало времени, намутив воду, потому что камни пришлось собирать отовсюду, соорудил, что хотел.

Кстати, сколько камней собрал для своей запруды, а ни одного кремешка не видел. И камней, которые можно было бы расколоть, чтоб получилось что-то острое и режущее, не подобрал – или бут, или песчаник в основном.

Муть постепенно ушла, можно попробовать! Захожу вверх по течению метров на пять, и ветками начинаю баламутить воду перед собой и смотрю внимательно – что там впереди? Мелкой рыбёшки хватает. Гоню, гоню. Аккуратнее и быстрее. Собакин активно подключается к процессу – пусть его, лишь бы сооружение моё не разрушил, вон как скачет. На всякий случай закладываю горловину камнями – теория теорией, а мозги никто не отменял, вдруг тут рыба умная и обратно выплывет. Теперь можно посмотреть, что мы имеем за пару часов потерянного времени? В прямке бодро суетятся какие-то рыбёшки с палец величиной, а нет – вон и побольше кто-то снуёт. И ещё! Раки! Как же я раньше о них не подумал? Что странно – сколько камней от дна оторвал, и ни одного не видел – не везло, видимо...

Так, а теперь давай-ка присядем на бережку над своей запрудой и включим наконец-то мозги. Уж пора бы им появиться – почти сутки прошли после моего провала.

– Громчик, давай-ка, садись рядом. Будем с тобой разговаривать. Может, что дельное подскажешь своему бестолковому хозяину.

– Мы не будем полагаться на случай! Мы пойдём простым логическим путем.

– Пойдём вместе! – приходится отвечать за собакина. Ему-то никак.

– Почему бестолковому? Да потому что надо было сразу садиться и думать! Хотя вряд ли – шок ещё тот был. Даже

мне, привычному к разного рода стрессам и встряскам, не по себе до сих пор!

Итак, что я имею на данный момент? Что попал – это попал, и этот факт даже не обсуждается.

Следующее – куда попал? По флоре и фауне (ну хотя бы из птиц, рыб да раков, что попадались на глаза) похоже, что я на Земле. Но надо будет ещё понаблюдать! Ночью звёзд не видел – кроны деревьев мешали. Значит, ночью изучаем небосвод!

Дальше. Самое главное, это определиться по месту и времени! Что для этого нужно? Правильно! Источник информации! Значит, будем искать такой источник! И желательно тот источник, который ходит на двух ногах и умеет говорить. На понятном мне языке. Но позже!

Ну и наконец, самое главное – средства и возможности для моего выживания и существования! То есть, прямо говоря – еда, одежда, обувь, снаряжение, жильё.

А пока ещё силы есть и огонь не начал разводиться, ну, чтоб не дымить, надо залезть повыше и оглядеться. Потому как ручьи они не реки и обычно не очень длинные. А мой уже вот-вот ну просто обязан куда-нибудь впасть или втечь. Или пора ему самому начать превращаться в реку.

А если вдруг впереди речка, а на речке какой-никакой сапиенс? А если он и совсем даже недружелюбный? И дым увидит? Да ну его подальше – такое счастье! Поэтому что? Осмотримся!

Под громкое рычание активно протестующего, изголодавшегося организма отворачиваюсь от своей ловушки и начинаю искать дерево поудобнее для покорения, но и чтоб достаточно высокое было – надо ведь осмотреться получше.

Сосны, сосны – пусть на них медведи Шишкина залезают, а мне бы что попроще – осину какую-нибудь или ясень.

Нашёл, полез – где мои семнадцать лет? Ну, с помощью какой-то матери, залез насколько смог. Дальше уже просто страшно – вдруг обломится? Осинка – дерево хрупкое.

Что там впереди? Через крону ничего нового не вижу – деревья и деревья. И чего лез, спрашивается? Единственный плюс, это что дымов не видно – можно огонь разводить. А там уж как повезёт – на каждый вероятный случай предохранитель не поставишь.

Спускаюсь очень осторожно, потому как забираться на дерево и скалы гораздо легче, чем спускаться.

Теперь отдохнём и займёмся огнём. Собираю сухостой, хорошо хоть ивняка очень много по берегу. Заодно подыскиваю пару хороших деревянных обломков – в меру сухих и не таких твёрдых. В общем, все знают, как огонь развести с помощью лучка. Сухой травы тоже хватает под берегом. Шнурочек выдёргиваю из футболки. Из прутика ивы делаю лучок и вперёд – Родина должна знать своих героев! Тут самое главное грамотно сверху прижимать, чтоб и не передавить и чтоб не болталось.

Процесс пошёл! Хорошо ещё, что дерево сухое. Вот и ды-

мок пошёл. Теперь очень аккуратно – чутка покрутим, подуем, покрутим, подуем. Травки подложим и, чтобы не слетела, прижмём тихонько пальцем. Покрутим, подуем, ещё и ещё – уголёк появился. Тихонько поддуваем и травки, травки – есть контакт. А теперь главное не спешить, но и не зевать – подкладываю траву, потом тонюсенькие веточки, потом потолще, и оп – можно идти смотреть, что мы там поймали.

Всю мелочёвку подсушу на камнях, а что покрупнее – на палочках. Раков в угли – они за секунды пекутся. Съели с собакой скудную добычу почти поровну. А что делать – глаза у него такие жалостливые. А головы, что остались, плавники и потроха бросим-ка мы в ловушку – авось кто и позарится.

Камушки запорные в сторону, и вуаля – ловушка готова к работе. Теперь, пока ещё угли не прогорели, надо придумать себе какое-нибудь оружие. Более-менее ровную палку я нашёл, когда дровишки собирал – длиной метра два, в меру сухая, но ещё не пересушенная и крепкая. На костёр её и обжигаем. Один из песчаников сюда. Вперёд – работаем!

Вот так, загорелся кончик – подождать полминуты и потереть его на песчанике, и опять на угли. Повторяем процедуру, пока результат меня не устроил – получился не сказать, чтобы острый, но и не тупой наконечник. Будем считать, что я вооружён и очень опасен! Ха! Не смешите мои подковы, как говорил один известный персонаж мультика.

Заглянул в ловушку – пусто... А жаль, я так надеялся...

Угли пусть догорают, куда они не денутся – небо чистое,

о ночлеге ещё рано думать, да и неизвестно, где он будет, ночлег-то.

А двинем пока на разведку. Пойдём, посмотрим, что там дальше – вот-вот же должна река появиться. Поэтому осторожно пошли. Головой верчу по сторонам и под ноги, уши как локаторы. Собака чуть в стороне пробирается – подлесок-то гораздо гуще стал. Не приморская тайга, но всё же.

Грунт под ногами стал мягче, значит, или заболотина, или заливная низинка.

Обойдём – отважные герои всегда идут в обход. А под ногами уже зачавкало – как бы галошики не потерять. Надо выбираться на сухое.

Наконец-то обхожу сырое место и упираюсь в речку. Не сказать что большая речка, так, маленькая даже речонка – метров пять, семь в ширину и неглубокая. Обыкновенная равнинная речушка с перекатами, камнями, заводями.

Влево, вправо – никого. Собак ввалился в речку – лакает, молчит, значит, тихо вокруг, пусто.

Камней тут в воде побольше, надо походить, поискать, может, что и найду. Нужен кремьень и обсидиан. Буду незнакомые проверять и пытаться разбить – а вдруг что и получится.

Ещё помню, что обсидиан должен быть гладким и чёрного цвета. Вот и побродим по перекату, может, что и отыщется.

Начнём, пожалуй. Разуваемся, треники снимаем. Первый камень несую к гранитному лбу, торчащему у самой кромки воды, и со всего маху в него кидаю. Ещё раз. Не то – про-

сто камень. Ищем следующий. Наконец нахожу что-то подходящее – куски расколовшегося камня острые, правда, не похоже на обсидиан, там они вроде должны быть плоские. Эх, и что я ни разу в какой-нибудь геологический музей не сходил?

Пока хватит. Завтра продолжим поиски, а пока надо заняться более насущным делом. Под камнями половим рыбу – вспомним молодость сопливую.

Ну что сказать? Как говорил один генерал: «Рыба есть – ловить надо уметь». Думаю, достаточно – рыбы тут очень много, и непуганая она совсем. На берег много перекидал – пора выходить, а то пёс всё слопает. Плотвички, голавлики с ладошку – кучка получилась порядочная, на ужин хватит.

Камыш по берегу растёт. Выдернул стебель, обгрыз нижнюю съедобную часть – здравствуй, детство!

Думаю, возвращаться не стоит, тут получше будет, чем на прежней стоянке. Ищу место для лагеря с таким расчетом, чтобы мне речку было видно, а меня с реки – нет. Ну и чтоб было сухо и ветерком продувало, а то комары и слепни совсем заели, пока в воде ползал.

Сушняка вокруг хватает, минут через двадцать гора валежника лежит в облюбованном месте. Время до темноты ещё есть, заготавливаем всё для разведения огня – пусть пока полежит, и быстро подбираем сухие жердины для навеса. Благо сухой ивняк ломается очень хорошо – держишь рукой сухостоину, внизу ногой пинаешь и она отлетает. Даже моей

галоши хватает. Тут главное – без фанатизма. Травматизм-то никто не отменял, и пальцы на ногах надо беречь. Пнул легонько – отломил. А если не отломил, то и не надо – пойдём следующую пинать, сухостоя хватает.

Сооружаю каркас навеса, чтобы нам с собакой места хватило, рву камыш, настилаю сверху, и оп – готово! Пара охапок пойдёт на лежанку. Закатываюсь под навес – красота! Собака лезет рядом и почти разваливает моё сооружение. Выкатываюсь весь в камыше. Собаке объявляю выговор с занесением по мягкому месту галошей и переделываю навес на другой, попросторней. Временный лагерь готов – пора подумать о костерке. Солнце почти свалилось на закат. Пока топтались, натоптали неплохую полянку – расчищаю место для костерка, обкладываю его камнями и начинаю священнодействовать. Вскоре костёр готов. Можно заняться рыбой. Выбираю помясистее, пытаюсь выпотрошить камнем, что расколол. Получается, конечно, не ахти, но получается. Хотя рыбу, откровенно говоря, жалко – за что ей такие мучения? Распластываю её веточками и на ветке же устанавливаю поближе к огню. Тут главное, чтоб не сгорела. И так с каждой. Всю оставшуюся мелочь разложил на камнях – пусть как будто жарится. Темнеет.

Всё хорошо, только ловушек для рыбы никаких не соорудил – потрохов-то много накопилось. Выкидываю их в воду – ух ты, сколько сразу рыбы налетело. Споласкиваю руки, и ужинать. Хорошо! Пару лесин потолще на костёр. Спать...

Ночью просыпался несколько раз – передвигал лесины, чтобы огонь поддерживать.

Утро для меня началось со звона комаров и предутреннего, до дрожи, тумана. Костёр почти прогорел и приветствует меня мелким серым пеплом с истаивающей струйкой бледного дыма. Подкидываю дровишек и раздуваю огонь, жмурясь от попавшего в глаза едкого дыма. Еле-еле поднимаюсь, и со стоном потягиваюсь – мышцы как скрученные, всё болит. Ковыляю к воде и делаю вид, что умываюсь. Хорошо, что бриться не надо, да и с такими комарами лучше с бородой. А вот зубы почистить как бы необходимо. Сижусь на берегу, дрожу, и начинают на меня хандра и сомнения накатываться. Думаю, зачем куда-то пошёл от места провала? Надо было походить там вокруг, пошариться по кустам, об деревья головой побиться. Может, и получилось бы назад скакнуть? А тут и накатило со страшной силой – куда, дурак, пошёл? А что? Может, вернуться назад? Места уже знакомые, пройду быстрее, хоть огляжусь там лучше. За день туда-сюда обернусь в лёгкую, надо только по-быстрому ловушку для рыбы соорудить. На всякий случай. Отпустило, как вернуться решил, полегчало.

Вперёд за сухостоем. Надо наломать много ивняка, чтобы из него сделать что-то вроде отводка с узкой горловиной у берега, и местечко подобрать подле заводи, чтобы неглубоко было. Наломал, камнем забиваю жердины в дно, и дело успешно движется к своему логическому завершению. На

дно моей ловушки бросаю то, что осталось от вчерашнего ужина после собаки. Немного, но будем надеяться, что срабатывает и это. В путь!

Как я и думал, обратная дорога оказалась гораздо короче. Где спрямил, где обошёл, отвлекаться особо не надо – уже всё известно. Немного за полдень был на месте.

Гром сразу сунулся туда, где я очнулся. Сунулся и я за ним – ничего. Даже нет, не так. Ни-че-го с большой буквы Н. В голове пусто, на сердце только тяжесть, душа болит, рвёт по живому. И тишина! Побродил по округе, полазил по кустам, подержался за все деревья вокруг, головой только не стал биться. Ощущений необычного нет, плюшек тоже нет, рояль уже растворился, наверное. И зачем меня сюда змеюка переправила? А может, это и не змеюка? Может, мне показалось, может, это что-то другое? Какая от меня тут польза? Я ж только руками что-нибудь делать умею. И голова у меня далеко не профессорская. Нет, не дурная, конечно, кое-что знает, но это такой мизер. И не хочу я тут, я домой хочу – у меня там семья осталась... Опустился я на землю, спиной на дерево облокотился, глаза закрыл, и так мне стало плохо и тоскливо. Гром под бок лег, вздыхает тяжело – понимает что-то.

А вокруг птицы поют, мураши ползают, жуки летают, воздух густой, лесной, ароматный! А по мне – только застрелиться, было б чем.

Сколько просидел – не знаю. Провалился во времени –

темнеет уже. Апатия. Свернулся клубочком, собака под бок опять подкатилась. Шевелиться не хочу, так тут и останусь. Сколько так пролежал – не знаю. Всё мимо проходило, ночь, день, ночь – не знаю. Очнулся от того, что собака меня лижет по лицу, головой подталкивает и лапами царапает. Состояние полубредовое. Ничего не хочу. Отстань!

– Володя, вставай, солнце моё, – выбрасывает меня из забытья родной голос жены. – Ты же сильный! Нельзя сдаваться! Значит, так надо, раз это с нами произошло. Я люблю и верю в тебя. Вставай, любимый!

Веки, как свинцовые. В глазах круги цветные. Промаргиваюсь, передо мной жена. Тянусь к любимой, и рука проходит через неё. Жена улыбается и смотрит с нежностью.

– Вставай, любимый. Мы тебя любим и ждём. Всё будет хорошо!

Истаивает дорогой для меня облик, и с ним истаивает моё отчаяние. Остаётся горечь разлуки.

Надо возвращаться к речке и попытаться жить, и как-то найти дорогу обратно. Буду искать эту чёртову змеюку – это она, зараза, меня сюда зашвырнула, значит, может и в обратную сторону отправить. Пошли.

Солнце перекатилось через зенит, и мы приближаемся к своему шалашику. Собака ведёт себя спокойно, значит, чужих нет, зверья нет, и можно подходить. На всякий случай аккуратно выглянул из кустов. Какой там аккуратно – Гром выносится прыжками и оглядывается на меня, что ты хозяин

медлишь, иди, лови скорее рыбу. Похоже, никого и ничего не случилось за время моего отсутствия, никто не проявил никакого любопытства.

Ловушка цела. Подхожу ближе и убеждаюсь в этом. И приятный сюрприз – в ней плавают рыбки. Вот и еда приплыла.

Навес цел, значит, остаётся ещё принести дровишек и заняться рыбой. А вот потом нужно побродить по окрестностям и посмотреть, что творится вокруг. Может, что полезное и увижу.

Уже почти автоматически приношу дровишек, развожу огонь, чищу рыбу и жарю. Потроха в ловушку. У Грома слюни до земли, у меня, впрочем, тоже – проголодался.

После обеда положено полежать – вот и полежу, подумаю, куда идти. Место тут хорошее, рыба есть. Хорошо бы мяска, но пока терпит. Зверьё есть – когда ходил, видел тропы на водопой, да и через болотину хорошо натоптано. Через болотину кабаньи, но кабан мне пока не по зубам, если только подсвинка какого подкараулить. Вот размечтался – с чем караулить-то? С деревянным копьём на кабанчика? Мечтатель! Хотя, тут есть варианты... Подумаем ещё.

Будем сооружать что-нибудь этакое на тропе к водопою, но это завтра. А сейчас пора вставать и выдвигаться на разведку окрестностей.

Иду вверх по течению, ну вот захотелось пройти вверх, а не вниз. Если уж я неправильный попаданец, то и пойду вверх.

Гром шуршит впереди и пока молчит. Но наблюдение за округой никто не отменял, поэтому крутим головой на триста шестьдесят градусов по горизонту, и не забываем искать нужные мне камни. Ну и вдруг ещё что нужное найдётся.

Все камни, которые мне кажутся годными для моих нужд, пробую тут же расколоть. Пока ничего подходящего не нахожу. Зато нахожу перекат с отличным галечником. Можно набрать голышей и, когда будет возможность, сделать что-то вроде пращи. Ремень от поводка есть, осталось раздобыть кусок кожи и как-то его пришить. Как вариант пойдёт, делаю в голове закладку. Запоминаю место и двигаюсь дальше.

Берега постепенно повышаются, выхожу на огромную осыпь камней. Река как будто разрезала большой холм, вода чёрная, дна даже не видно. Камни только сланец. Раков очень много.

Через осыпь не полезу, бережёного бог бережёт. Лучше поднимемся – оглядимся сверху.

На сам холм выбираюсь осторожно, нечего семафорить своей тушкой на всю округу.

Поднимаю голову над травой и осматриваюсь. Ничего и никого не наблюдаю. Собака нюхает воздух и, судя по всему, также ничего не унюхивает.

Вокруг, сколько вижу – лес. На западе, далеко на горизонте, темнеет небольшая гряда. Дымов нигде не видно.

Беру направление на свой лагерь и спрямляю маршрут. Время ещё есть, и можно пройти вниз по течению. И, нако-

нец-то, мне улыбнулась удача – на опушке увидел расколотый камень с блестящими гранями. Подошёл. Вот оно счастье! Я нашёл то, что мне нужно.

Как удачно вышло – камушек раскололся на две половины и ещё на кучу мелких осколков на сломе. И делать-то ничего не надо – бери и пользуйся. Подбираю мелкие острые пластины, половину камня (больше не унести) и довольно быстро добираюсь до лагеря. Потом разберусь, что куда.

Выкладываю свою ношу под навес с краю и выбираю себе лезвие потоньше, будет разделочный нож – рыбу потрошить.

Теперь надо опробовать приобретение. Быстро выдёргиваю рыбу из ловушки и... всё получилось!

Не железный нож, конечно. Но на безрыбье, как говорится, и собака по-человечески заговорить сможет. Теперь беру пластину потолще, попрочнее, и пробую отрезать ветку ивняка с палец толщиной. Аккуратно. Спокойно. Без напряжения. Уфф. Получилось! Да я прогрессор! Двигаю прогресс в отдельно взятом лагере!

Что дальше? А дальше надо пообедать и подумать, что можно соорудить или, что будет точнее, какие приспособления и ловушки, а, может, и оружие я смогу сделать.

С моим новым разделочным ножиком дело пошло гораздо веселей, и скоро распотрошённые рыбины заняли своё место вокруг костра. Настроение где-то на уровне облаков. Перекусываем с собакинским, и заваливаюсь под навес, поближе к камням – наступило время плотного мыслительного процес-

са.

Замкнутый круг. Чтобы сделать что-то, нужен материал – кожа хотя бы. А чтобы добыть кожу – нужно оружие. Думай, голова.

Придётся начинать опять с простейших ловушек на зверьё, рыбу же я поймал. И тут поймаю кого-нибудь.

Для начала отправляюсь к зарослям ивняка и нарезаю длинные лозины толщиной миллиметров по пять. Прутьев понадобится много, и я режу хороший такой пучок. И плету из прутьев мордúшку. Через час первая морда готова. Кривенько, конечно, получилось, но мне с неё не стрелять, сойдёт. Надо идти резать лозу, а то на вторую не хватит. Думаю, что ещё одной мордúшки мне хватит. Внутри привязываю остатки нашего с Громом пиршества и иду устанавливать результаты своего труда в воду. Выбираю местечко в заводи и устанавливаю их в камыши. А чтобы не всплывали, нагружаю камнями. Ловись рыбка большая и маленькая, конечно, лучше большая и лучше побольше.

А теперь можно заняться подготовкой к Великой Охоте. Надо искать орешник. Благо его тут хватает.

Вырезаю несколько хороших ветвей в два пальца толщиной. Пару аккуратно остругиваю поострее. Надо ещё корней приготовить. Тут же на берегу надёргиваю корней ивы, благо из песка они выдёргиваются без проблем, и обдираю их от коры. Привязываю заточенные колышки к выбранной ветке крепче. Вроде держатся хорошо. Пора идти насторажи-

вать ловушку.

Оставляю Грома охранять лагерь.

А сам возвращаюсь туда, где заметил тропы на водопой в камышах. Стараюсь топтаться поменьше. Камнем забиваю колья в грунт и собираю свою конструкцию. Стараюсь всё вспомнить и сделать в точности так, как нас учили на курсах выживания. Настораживаю её. Тщательно маскирую следы своего пребывания на тропе. Даже примятый камыш постарался распрямить. Отступаю в сторону от тропы и возвращаюсь к лагерю. Удачи мне!

Что за общество меня окружает, я пока не знаю. Какой уровень его развития? Какими орудиями оно пользуется, чем живёт и дышит? На каком языке говорит? Да и говорит ли? Может, тут и не хомо, а какой-то другой сапиенс? Ничего пока не известно. И мои возможности, будем говорить правду, никакие на данный момент. Есть собака, но против вооружённого хотя бы палкой разумного бойца это не вариант. Так что толку от неё, только как от сторожа, да и то не всегда.

Поэтому сделаю-ка я себе какой-нибудь простенький лук – на первое время его хватит. Да и оружие хоть какого-то дальнего боя будет. Вот и вооружусь. Деревянное копье (надо наконечник вставить, благо теперь есть из чего), простенький лук, и будет мне этого пока достаточно. Если добуду какую животину, сразу же сделаю пращу, да и тетиву можно будет сделать более прочную. А то я её уже из крапи-

вы собрался делать.

Что ещё радует, так это то, что хищников нет. Хотя на улице лето, а летом они, как правило, на человека редко нападают. Хм, ключевое слово – редко. Будем считать, что тут правильные хищники. А, вообще, что я голову ломаю? Хватит мудрить. Трава, деревья, рыба – всё соответствует земной фауне и флоре. Значит, хищники тоже должны быть такие же и вести себя соответственно. Не лезь на рожон, не задирайся первым, и всё будет хорошо. Но вооружиться необходимо.

Надо ещё сухого рогоза на стрелы поискать и орешину вырезать подходящую. Завтра и займусь, если добычи не будет.

– Ну что, Громуха, пойдём, проверим, сколько у нас рыбы поймалось? Да и верши посмотрим – а вдруг?

Ловушка, уже привычно, порадовала десятком плотвин граммов по двести и кучкой разной мелочи на один зуб. Несколько окушков и уклеек. Мордушки можно и не проверять, на ужин и завтрак нам рыбы хватит.

А утром их все и проверим. И зверовую ловушку, и рыбные верши.

Соли только не хватает. Пока терпимо, но уже хочется подсолить рыбку, да и мясо рано или поздно появится. И вот тут без соли никак.

Пора готовить ужин и спать. Завтра будет хлопотный день.

Утренний туман перекатился через прогоревший костёр и

защекотал холодными и сырыми пальцами, значит, хочешь, не хочешь, а надо подниматься.

Подкинул дровишек, еле-еле раздул огонь, надо сегодня поискать и набрать что-то из сухостоя потолще, чтоб хватало на подольше. Почти поэт – значит, день сложится!

Чтобы согреться, сделал зарядочку минут на пятнадцать. Глину сегодня обязательно поискать нужно, вылеплю из неё чашки, заварю каких-нибудь трав, а то утром без горячего чая тяжело.

Доев рыбу, добежал до заводи, где поставил мордушки, и с разбега бултыхнулся в воду. Бодрит! Добрался до камышей, где-то тут притоплены мои плетёнки.

Поднимаю первую, через прутья сверкнуло живым серебром. Вытаскиваю на берег, снимаю плетёное колечко с горловины и вываливаю порядочную кучу рыбы. Даже раки попадают, пытаются удрать. Отличный улов! Кольцо на место и быстро проверяю вторую. Результат не хуже!

Первую мордушку устанавливаю под воду на то же место, а во вторую укладываю весь утренний улов и отношу к лагерю.

Осталось проверить зверовую ловушку. Вот бы и там что-нибудь попало. Самое главное, это не забыть взять своё копьёцо, на всякий случай.

Подкрадываюсь потихоньку к камышам, и вдруг собака срывается с места и молча уносится вперёд. Есть что-то! Раскатисто лает Гром, и я, забыв обо всём на свете, огромны-

ми прыжками азартно мчусь следом.

Ловушка сработала, но в ней пусто! Гром лает впереди. Немного опомнившись и придя в себя, осторожно подкрадываюсь к нему. Почти у самой воды лежит косуля. Бок в крови. Похоже, после срабатывания прыгнула вперёд, вырвалась из ловушки, добежала до берега, а вот дальше ей уже сил не хватило. Подхожу ближе, руки трясутся то ли от волнения, то ли от возбуждения. А скорее всего, и от того, и от другого. Добывать не требуется. Взваливаю тушку на плечи и иду в лагерь. Гром азартно скачет вокруг, хватается за ноги, мешает идти.

Сбрасываю её поближе к воде. Так мне удобнее разделить будет.

Даже не знаю, за что и хвататься. И рыбы много, и мяса теперь завались. Начну с рыбы, она портится быстрее. Подкладываю веток в костёр и начинаю потрошить. Всё лишнее отправляю в мордушку для приманки. По отработанной уже методе жарю рыбу.

А глаза так и косятся на тушу косули, прикидываю, как лучше её разделать, и самое главное, не забыть про сухожилия. Они должны быть на спине и на ногах. Как-то используют ещё и кишки на тетиву, но я сомневаюсь, что у меня что-то получится. Не умею. С сухожилиями бы разобраться.

Дожариваю рыбу. Больше чем уверен, что не дожарил, но дальше ждать не могу. Не терпится приступить к разделке тушки, да и жареного мяса очень уж хочется!

Ещё нужно подкинуть дровишек в костёр и пару плоских камней подвинуть поближе к разгорающемуся огню – пусть нагреваются, будут мне вместо сковородки.

Снимаю шкуру и разделяваю тушку, благо опыта в этом деле хватает. Отдельно вырезаю спинные и скакательные сухожилия – потом высушу. Пластаю печёнку и выкладываю её на раскалённые камни. Зашкворчало, и по стоянке разнёсся одуряющий аромат жареного мяса. Переворачиваю, дожариваю и снимаю. Отбрасываю на лопух – пусть остынет. Кромсаю мясо и ливер на куски и обмываю в речке. Собираю оставшиеся потроха и выбрасываю в воду подальше. Всё равно не умею что-то делать из кишок. А для прикормки в мордушках и рыбьих потрохов хватит.

У кого слюни больше – у Грома или у меня? Даю шматок печёнки собышу, и сам вгрызаюсь в горячее мясо. По губам течет обжигающий сок. Я доволен.

Надо пережарить всё мясо, иначе быстро протухнет. И начинается процесс обугливания.

А как его ещё можно назвать, если куски достаточно большие и их надо хорошо прожарить.

Что-то пеку на камнях, а что-то на вертеле.

К вечеру заканчиваю готовку, у обоих животы, как барабаны. Мяса, в общем-то, получилось не так и много, как казалось. Денька на два обжорства хватит.

Завтра займусь шкурой, а пока в воду её и камнями сверху придавить, чтобы не всплывала. Пусть рыбы объедают.

Сухожилия подвешиваю на перекладину под навесом – для просушки. И не доберётся до них никто с корыстными намерениями.

Всю готовую рыбу заворачиваю в лопухи – и туда же. Грызуны не достанут, всё целее будет.

Завтра обязательно надо найти глину, сегодня так и не получилось за приятными хлопотами – хочется горячего похлебать.

А сейчас – спать. Устал. Гром подкатывается под бок, и я проваливаюсь в сон. Ночью пару раз просыпаюсь, поддерживаю костёр. Тишина. Только собака провожает глазами каждое моё движение. Возвращаюсь под навес и сразу же засыпаю.

Утро, как всегда, встречает туманом. Все утренние дела идут по уже отработанной схеме. Проверяю мордушки – улов радует. Рыбы уже становится много, и надо что-то придумать с её переработкой. Буду делать коптильню, это самое простое.

После сна, на свежую голову, решил не заморачиваться со шкурой. Выделывать, как положено, всё равно не смогу – сколько я тут ещё просижу? Неделю, не больше. А там сделаю запасы – и в путь. Пора двигаться дальше. Для чего-то же я сюда попал?

Так что шкура пусть остаётся такой как есть – немного обдеру её на камнях, и будет мне вместо одеяла. Резать на тевиву тоже не буду, может, удастся ещё кого-нибудь добыть. А

тетиву всё-таки попробую сплести из сухожилий, когда подсохнут. Думаю, денька через два будут готовы к работе.

Так что сейчас занимаюсь коптильней, потом в процессе копчения буду обдирать шкуру. Но нужно заготовить ещё больше жердей и найти наконец-то глину. Глину буду искать в реке. Когда устанавливал в камышах морды, на дне наступал на что-то вязкое. Похоже, она и есть. Вот и пособираем.

Догадка оказалась верной, и куча глины на берегу быстро растёт. Можно приступать к строительству коптильни.

В песке руками выкапываю неглубокую яму под костёр, прокапываю от неё узкую канаву метра полтора длиной, усиливаю стенки жердями, чтобы не осыпались, и обмазываю глиной. Сверху тоже накрываю жердями с глиной, насыпаю песочка и, наконец, сооружаю короб для копчения. Забиваю жердины в грунт, переплетаю лозой и хорошо всё промазываю. Крышку сплетаю из лозы и тоже обмазываю глиной. Развешиваю рыбу, закрываю крышку и придавливаю её аккуратно камешками...

Дело за костерком. Периодически в огонь подкидываю несколько зелёных веток. Особо привередничать и умничать не будем, не тот расклад. Сейчас ветки пойдут любые, даже можно и немного травы подкинуть. Пусть коптится.

Достаю шкуру из воды, расправляю её на песке и камнем сдираю остатки мяса и сухожилий.

Подкидываю песочек, тру, сметаю веничком из веток, и так, попеременно, работаю пару часиков, стирая ладони по-

чти до крови. Хватит мучиться. Запах, конечно, будет ещё тот, но мне сойдёт. Зато тепло будет ночью.

И, кстати, пойду-ка я проверю, как там процесс идёт в моей коптильне. Процесс прогрессирует, можно сходить нарезать рогоза на стрелы.

На наконечники буду пробовать наколоть каменные пластинки, посмотрим, что получится и получится ли. Почти ничего у меня не получилось. Какие-то непонятные осколки. Но что-то всё равно попытаюсь приспособить.

Надо пойти нарвать крапивы и сплести маленькие верёвочки, и ими привязать мои наконечники (буду их так называть, альтернативы-то нет) к древкам. Сухожилия немного подвялились, пускай ещё сохнут.

После ночи ощущение такое, как будто всё это время пробежал от костра к костру. М-да, копчение ещё тот геморр. А с мясом в дорогу надо будет обязательно что-то придумывать. Завтра ловушку настоужу и потом попробую вялить, ну и коптить, конечно.

А если сделать такой же короб, но для горячего копчения? Он же будет глиной обмазан и, по идее, сгореть не должен. Зато насколько быстрее копчение пойдёт. Надо будет только обмазывать в несколько слоёв, чтобы потолще слой глины получился. Сделать всё так же, как и с первой коптильней, только короб установить на траншею почти у самого костра, чтоб температура была повыше, но и прямого огня не было. Голова! Вот ещё денёк рыбка пусть покоптится, и переделаю

конструкцию по-новому, а то никуда не отойти надолго. А что? А вдруг!

Позавтракали с Громом мясом и пошли за очередной законной порцией рыбы. Как и в прежний раз, рыбу и раков перекидал из двух мордушек в одну и отнёс к костру на жарёху.

Сегодня морды устанавливать не буду, рыбы много и выбрасывать её просто так – не хорошо.

Эту пережарим, завтра докоптится вчерашний улов, а ведь ещё и мясо есть. А холодильника-то нет. Поэтому нечего просто так дефицитный продукт переводить. Будет заканчиваться, тогда и добудем.

А сейчас пришла пора поэкспериментировать с глиняной посудой. Буду придумывать что-то вроде глубокой чашки-пиалушки.

Беру шмат глины и разминаю его хорошо, благо высохнуть глина после реки ещё не успела. Надо добавить немножко песочка и опять хорошо размять в руках.

Присаживаюсь к валуну поплотнее и начинаю лепить то, что в моём представлении соответствует моим желаниям.

Приёмной комиссии тут не наблюдается, ОТК тоже отсутствует, поэтому лепим так, как получится.

Когда-то читал, как из берёзовой коры делали туеса и в них кипятили воду на костре.

Но мне этот вариант не подойдёт, кору снять не смогу и туесок не сделаю, потому как – не умею. И даже стесняться

этого своего неумения не буду.

Вот и вылепил что-то похожее на глубокую миску. Подумал и бока сверху превратил в почти правильный квадрат. Ну и заодно сделал маленькую выемку, чтобы было удобно пить.

Теперь надо обжечь. Как обжигать надо, не помню, хотя и читал когда-то. Единственное, что вспомнилось сразу, так это то, что надо держать изделия какое-то время при одной и той же температуре.

Сделаю-ка я ещё пару штук на всякий случай. И растворы сделаю разные по жирности.

Хоть одна-то из трёх должна получиться.

А если мне свои миски поставить в новую коптильню? Ведь там проще поддерживать температуру, стенки же тоже глиной промазывал? Они же пока держатся, не отваливаются?

Надо ждать до завтра и пробовать, а пока набрать ещё жердей на новый короб и лозы нарезать.

После обеда пробую поработать с камнем. Пытаюсь отколоть тонкие пластины. Но камень колется как хочет, а не так, как мне нужно. Зато научился мелкими ударами заострять кромки осколков и у меня появились острые камешки. В школе на уроках истории их называли рубилом. Конечно, до тех, изображенных на рисунках учебника, мне как до Китая на карачках, но всё-таки...

Забираюсь под навес, сдвигаю собаку в сторону и мгно-

венно отключаюсь. Ночью встаю пару раз поддержать огонь в костре и подбросить зелёных веток, дабы не прерывался процесс копчения. Нет, с таким методом надо заканчивать – сил уходит очень много и не высыпаюсь совсем.

Выключаюсь до утра.

Рассвет встречаю с тяжёлой головой. Ничего не радует, одна мысль – выспаться. Плюнув на всё, поворачиваюсь к стенке навеса и засыпаю.

Совсем другой коленкор! Просыпаюсь – настроение прекрасное. Тепло, солнышко светит, птички поют, речка шумит – красота!

Умываюсь, завтракаю. Или обедаю, да и какая разница, по большому счёту!

Проверяю коптильню – вполне достойная рыбка, горьковата, правда, но для меня отлично.

Переделываю конструкцию под свои новые планы, развожу огонь и сушу своё сооружение. Сохнет буквально на глазах. Аккуратно на камушки выкладываю свою посуду, закрываю крышку и подкидываю дровишек. Процесс пошёл.

Присаживаюсь под навес и вдруг чётко понимаю, что пора двигаться дальше. В себя пришёл, можно считать. Еда есть, да и не проблема с этим. Надо определяться, в конце концов, куда я попал, только делать это с превеликими осторожностями. Ну не хочу я влипнуть в какие-нибудь неприятности.

Я лучше издалека, тихонько осмотрюсь. А потом и решение приму. Нужное и подходящее для меня. И только так. А

вот чтобы меня не обнаружили раньше времени и не сделали мне неожиданный сюрприз мешком по голове, у меня есть собака. И будем надеяться на Грома, всё равно больше мне надеяться не на кого.

Сухожилия ещё не просохли, значит, лук пока отпадает. Возьму их с собой – не помешают.

Возьму, возьму – куда возьму-то?

Надо сплести короб, чтоб его за спиной нести, а руки освободить. Пусть свободными будут. Вперёд на заготовку лозы. И сегодня вечером обязательно настоужу ловушку в камышах, мясо в дорогу лучше закоптить и завялить. Плюс рыба копчёная. На несколько дней нам хватит. Работаем!

Ещё пару раз придется принести дров – запасы быстро кончаются. То копчение, то обжиг моих глиняных изделий. Ничего, лишь бы толк был!

Вечером заканчиваю обжиг. Интересно, что получилось. Пока будет остывать, можно пойти и настоужить зверовую ловушку. Отправляюсь на тропу, поправляю с осторожностью конструкцию, настоуживаю её и маскирую свои следы. Возвращаюсь.

Темнеет, думаю – уже всё остыло. Ну что, посмотрим на результаты? Аккуратно снимаю крышку и достаю свои изделия. Все три можно использовать. Правда, две миски с трещинами, а одна вроде целая. Тихонько щёлкаю ногтем по краю. Звенит! Эх, надо было заметить, где какой раствор использовался!

Возвращаю всё назад в коптильню, чтобы не побить нена-роком, и спать! Укладываюсь с каким-то радостным настроением, душа поёт. Утром, не успев продрать глаза, достаю целую миску и набираю в неё воды. Ставлю аккуратно на два камушка и развожу между ними небольшой костерок. Вода закипает, бросаю ветку кипрея. Убираю огонь в сторону. Пусть настаивается и остывает. Пока можно пойти и установить мордушки.

Возвращаюсь бегом – боюсь, что Гром разобьёт мою миску. Собака-то любопытная, нос сунет – и ага...

Зря бежал, всё в порядке, собака где-то бегаёт. Миска моя остыла и самое главное, она цела!

Отпиваю глоток. Красота! Божественный напиток! Можно теперь и мяса отварить, и ушицы сварганить.

Пора проверить ловушки на берегу и реке. Зову собаку с собой, бережёного бог бережёт. На речке улов радует, и это уже выглядит обычным делом. Отношу всё в лагерь, как всегда. А вот зверовая ловушка огорчила – пусто.

Наверное, стоило установить её на другой тропе – как-то я не подумал, что зверь пролитую кровь почует и не сунется сюда.

Снимаю со сторожка и разбираю свою конструкцию. Выношу на поляну, вечером установим на другой тропе, подальше отсюда. И надо колья заменить, они же тоже в крови. Несу ударную жердину в лагерь, там и переделаю.

Допиваю свой так называемый чай, красота! Ну что, риск-

нём сварить рыбки? Хоть бульона похлебаю, а то всухомятку уже надоело питаться.

Миску аккуратно ставлю на угли, и иду на ручей чистить рыбу. В закипевшую воду бросаю несколько рыбёшек и жду, когда они сварятся.

Вынимаю мелочь и закладываю рыбу покрупнее, пусть юшка будет нажористее. Эх, соли бы ещё и перчика, да лаврушечки с картошечкой. Ну и сто капель для дезинфекции организма, и было бы вообще хорошо!

Убираю угли в сторону. Запах обалденный, даже пёса не выдержал и свой нос пытается подсунуть, очень ему интересно, чем так вкусно пахнет, чем таким обалденно вкусным его сейчас угощать будут.

Пока будет остывать, попробую начать плести заплечный короб. Что-нибудь, да получится. Кору обдирать не буду, нечего выделываться. Вспоминаю, как жена плела свои поделки из лозы. Тяжело вздыхаю. Да уж... Буду делать вытянутый овал с таким расчётом, чтоб повесить короб за спину. Сантиметров пятьдесят высотой, чтоб по попе не стучал при ходьбе. Подбираю подходящие прутья, собираю основание. Вставляю направляющие для стенок и начинаю творить сами стенки.

Однако увлёкся. Ушица-то моя остыла давно. В одной из бракованных мисок замазываю трещину глиной, и отливаю туда юшки для Грома. Пусть тоже душу отведёт. Наконец, приступаю. Божественный нектар! Лучше и не скажешь, да

и зачем говорить, всё и так понятно.

После сытного обеда, по закону Архимеда, полагается поспать. Спать-то я не буду, а вот полежать и подумать, полежу. Только миски сполосну. А ещё рыбу надо коптить... Потом, всё потом, полежу чуток.

А мысли такие, что надо мне двигаться дальше. И пойду я вниз по течению. Если этой ночью удастся добыть мяса, накопчу, навялю и пойду. Если ничего не попадётся, выдвигаюсь сразу. Пока и рыбы хватит. Доплету коробок, в него уложу миски и припасы. Всё переложить травой и лопухами.

Поэтому полежал и хватит, работаем дальше! И подготовительный процесс пошёл! Копчу рыбу, плету короб. К вечеру всё готово. Теперь переделать колья для ловушки и пора топтать искать подходящее место для её установки. Только надо постараться хорошо руки отдраить песочком и травой от рыбы. Запах-то надо убрать!

Подходящее место нашлось довольно далеко от лагеря, ну да это не страшно, хищников я пока не видел. Возвращаюсь и обдумываю вот такую мысль. Футболка-то у меня светлая. Ей, конечно, уже далеко до того первоначального белого цвета, но всё равно меня видно будет издалека. А это не есть хорошо.

Миску – на угли, пока вода закипает, рву пучок травы и собираю кору от ивы, благо тут её хватает.

Закипела, быстро оставляю в сторону. Запариваю траву и кору, пусть настоится. Оставляю до утра.

– Нас утро встречает прохладой! – прорывается через стук челюсти. Продрог. Из песни, как говорится, слов не выкинуть. Утро бодрит!

Ноги в руки и бодрой трусцой, не забыв про своё копыце и каменный ножик, поспешаю посмотреть, а вдруг ловушка на тропе сработала. Гром прыгает рядом.

Увы. Надеждам не суждено было оправдаться. Пусто. Ну и ладно, разбираю и выбрасываю в сторону. Больше мне на этом месте она не понадобится. Сейчас вернусь, покрашу футболку, соберусь и в путь!

Убираю траву и кору из миски и аккуратно вымачиваю там свою многострадальную футболочку.

Выжимаю, встряхиваю – сюрреализм отдыхает! Почти ва-рёнка!

На просушку её, а пока можно умыться, позавтракать и собраться. Эх, не подумал сделать маленький горшочек для углей. Ничего, набираю сухих плашек для разведения огня.

Коробок мой собран, влажную футболку набрасываю на плечи. На ходу высохнет. Оглядываю прощальным и благодарным взглядом свой лагерь, залитые угли, навес и ухожу. Теперь основная надежда на собаку, я в этих зарослях ничего не вижу и не слышу. Стараюсь идти так, чтобы речку из виду не упускать, мало ли.

Гром ведет себя спокойно, но стараюсь особо не расслабляться, постоянно присматриваю для себя предполагаемые укрытия, варианты отхода. Короче, действуем, как на враж-

дебной территории. Хотя, почему как? Пока обратных доказательств нет, территория по определению считается враждебной! А то потом голову на забор повесят, и радуйся, поглядывай сверху. Поэтому не расслабляемся, шагаем на мягких лапках и крутим головой во все стороны.

В полдень перекусываем плотно и забираемся в тенёк, отдохнуть. Вскоре жара немного спала, и мы с Громом пробираемся дальше, пока тихо. Солнце склоняется к горизонту, мои пострадавшие ноги стонут об отдыхе, и я наконец-то подыскиваю место для ночёвки. На скорую руку сооружаю шалашик, быстро ужинаем с Громчиком и укладываемся.

Следующий день полностью повторяет предыдущий. Вот только запасы мои заканчиваются. А мясо уже начало попахивать. Скармливаю всё Грому.

Завтра буду заниматься ловлей рыбы, да и отдохнуть хотелось бы денёк-другой. Два дня перехода, в неудобной для пеших походов обуви, это, я вам скажу, то ещё удовольствие.

Утром подыскиваю удобное и укрытое местечко среди деревьев, чтобы и от воды недалеко было, но и не на виду. На всякий случай прячу костерок в яме, кладу туда пару сухих лесин и иду ловить рыбу.

Смотрю на Грома и останавливаюсь. Подзываю собаку и снимаю ошейник. Слов нет, одни эмоции! Ошейник-то хоть и кожаный, но на нём же и пряжка стальная и ещё куча всяких бляшек!

М-да, сколько раз я на этот ошейник смотрел, и только

сейчас эта светлая мысль соизволила посетить мою уставшую, чтобы не сказать большего, голову.

Сооружаю на автомате ловушку для рыбы, а сам обшариваю взглядом берег. Камней хватает, и я после проверки, (проверяю ударом друг о друга) подбираю несколько кремней. У кремня после удара ещё и запах появляется специфический. В детстве на море насобираешь камней и тюкаешь друг о друга – искры выбиваешь. Когда искры из него выбьешь, надо сразу камень понюхать. Сопливое детство вспомнилось...

Ну, что? Надо провести эксперимент по добыванию огня с помощью собачьего ошейника. Больше чем уверен, до такого ещё никто не додумался. Скатываю трут из сухой травы, застёгиваю ошейник, чтобы не болталась пряжка, и начинаю священнодействовать. В конце концов, добиваюсь своего, и результат, как говорится, налицо. Наконец-то у меня будет более удобная приспособа для разведения огня! Не передать словами, как я доволен. Правда, и с помощью трения я уже наловчился добывать огонь на раз, но тут-то прогресс, так сказать – другой уровень.

Ладно, хватит прыгать от радости – пора и делом заняться. Прополоскать одежду и стельки, всё пропотело. Разложу на камнях, пусть сушится. И сам ополоснусь. Даже Гром в воду полез. Пока сохнет одежда, есть время поваляться на песке, о высоком помыслить.

По моим прикидкам, я оттопал километров сорок – со-

рок пять от места своего провала. Думаю, не больше, идти-то тяжко. И обувь не приспособлена для переходов, да и окружающая действительность не позволяет спокойно прогуливаться – всё-таки растительность буйная, и пробираться через неё то ещё занятие.

Так что будем считать, что прошёл я столько. И за всё это время я не встретил ни одного признака присутствия человека. Хочешь, не хочешь, а выводов только два. Или я тут единственный человек, или местность настолько малонаселённая, что для того, чтобы встретить кого-нибудь, надо ноги до колен стоптать... Или выше. Что ещё? Признаков цивилизации, то есть мусора, совсем не видно. Куда-то меня далеко закинуло. Или заповедник, или очень малозаселённые места. Хотя я топаю из верховий обеих речушек, и там селиться никто не будет. Зверья и рыбы тут вполне хватает, леса тоже навалом. И это я ещё в глубь чащи не заходил. Вывод – надо двигаться ниже по течению, река-то становится всё более полноводной. Увеличивается и вероятность того, что скоро набреду на что-то, что прояснит, где я. Хотелось бы ещё и понять, для чего я тут.

Глава 2. Первая встреча. Легализация. Хочешь, не хочешь, а жить-то надо

Пока я мыслил о высоком, жаркое солнце высушило мою, уже камуфлированную одежку, да и стелечки просохли. Можно заняться делом. Хотя дел-то особых и нет. Оружие делать пока не буду, да и не с чего, с каменным топором за мамонтом бегать не собираюсь. Зверей хищных за это время тоже не встречал, следов не находил, да и собака ведёт себя спокойно. Вот определимся по месту и времени, тогда и будем голову напрягать. Охотиться тоже ни к чему – мясо-то портится через день на такой жаре. Вот уточку поймать, это хочется. И запечь её в глине. Даже слюнки побежали.

Приношу две сухие лесины толщиной сантиметров пятнадцать и около четырёх метров длиной. Укладываю на песок у камышей буквой «Л». Там, где брёвнышки начинают сходиться, руками в песке прорываю неглубокую совсем канавку с таким расчётом, чтобы она плавно понижалась и утка по ней свободно могла пройти. На выходе сооружаю из колышков небольшой прямоугольник, забивая их в песок обкатанным камушком. Сверху колья неплотно переплетаю камышом. Выкладываю из остатков рыбы дорожку между брёвен до получившейся клетушки. Ждём. Ложусь на песочек и гре-

юсь на солнышке невдалеке. Солнышко светит, речка блестит, утки плавают, и моя рыба их, похоже, совсем не привлекает. Ладно. Всё равно ждём. А есть-то уже хочется. Особенно, как представлю запечённую в углях уточку.

Задремал. Однако так и обгореть можно. Поднимаю голову и наблюдаю радостную картину – нашлась любопытная, на свою голову, птица. Лопает рыбку, что я разбросал, и потихоньку приближается к ловушке. Увидев, что на бережку тоже есть какая-то еда, подтягиваются её товарки, и начинается громкая свара. Уже ничего не опасаясь, выхватывая друг у друга куски рыбы, утки залезают в ловушку. Пора и мне поучаствовать. Осторожно подкрадываюсь к ловушке, чтобы не спугнуть добычу раньше времени, и выдёргиваю птицу из клетки прямо через верх. Перехватываю за шею, резко встряхиваю. Тут же ловлю вторую... И всё – добыча кончилась. Остальные с громкими возмущёнными воплями улетели. Но я доволен. Теперь нужно только обмазать тушку глиной и зарыть в раскалённые угли. От костра остался только пепел, но ничего, сейчас я быстренько справлюсь, благо углей чуток осталось. Утку – в золу, поглубже, и разводим сверху огонь. Пока идёт процесс запекания, ошипываю и разделываю вторую птицу. Сварю бульон.

Будем считать, что готово. Выкатываю раскалённый ком из углей, разбиваю глину – пыхает раскалённый пар, шипит сок. Одурающий запах сбивает с ног, рядом Гром аж заскулил. Сил нет утерпеть, выхватываю из осколков глины об-

жигающую руки тушку, перекидываю с ладони на ладонь и выкладываю на лопух. Убираю оставшиеся перья, пытаюсь несколько раз подуть и остудить, но захлёбываюсь слюной. Быстро разрываю на куски и вгрызаюсь в одуряюще пахнущее мясо. Собака подсовывается под руку, слюни до земли. Кидаю Грому кусочек, слышу только клацанье челюстей и опять умоляющий взгляд. Приходится делить поровну.

Какая-то маленькая утка попалась. В остатке только глина да перья.

Пока есть возможность, можно сварить бульончика, чем я дальше и займусь.

Вечером надо проверить рыбную ловушку, а в утиной – как-то приспособить петли, на всякий случай. Может, ещё попадётся такая вкусная уточка.

Вечер проходит спокойно и размеренно. Рыбы попало немного. Поэтому в следующий раз надо будет сделать верши. В птичьей ловушке подвесил петельки из тонкого вымоченного ивового корня – завтра, надеюсь, буду с дичью.

Запекаю рыбу в глине на углях, это пойдёт на завтрак, а на ужин у меня есть вкуснейший бульончик и такая же вкусная варёная утка. Нам с собакой хватит. Рыбы потроха разбросал перед утиной ловушкой. Теперь можно и отдохнуть.

Следующий день просто посвящён праздному ничегонеделанию. После завтрака достаю рыбу из ловушки и опять запекаю в углях. Уток не попало, но я дополнительно набрасываю потрошков на берегу. Ещё не вечер. Попадётся!

Всё остальное время сплю, купаюсь, ем, загораю и опять сплю. Короче, восстанавливаю силы.

Вечером меня поднимает Гром, похоже, моя задумка с петлями сработала и пора доставать добычу. Наградой послужила попавшаяся парочка уток, которым я быстро посворачивал шею.

Завтра в дорогу, благо проблем с пропитанием нет.

И опять мы с собакой пробираемся вдоль берега, пересекая ручьи и овраги. Обходим лесные завалы и могучие заросли крапивы.

После полудня, ближе к вечеру, Гром настораживается. Резко замирает и вытягивает шею.

Осторожно высовываюсь из кустов и осматриваюсь. Но мне ничего не слышно и не видно, надо подобраться поближе. Оставляю короб и на четвереньках пробираюсь поближе к воде. Строжу пса, чтобы вёл себя потише. Но тот и сам соображает – крадётся рядом со мной.

Ввинчиваюсь в траву и замираю. Раздвигать её и вылезать на берег даже и не думаю. Что бы и кто бы тут ни был, если я вылезу, меня срисует на раз. А мне этого пока не надо.

Через траву высматриваю на реке долблёнку и людей в ней. Залегаю и маскируюсь, тихонько надламываю над собой несколько стеблей высокой травы и накрываюсь ей.

А люди-то рыбку ловят, сети ставят. Наблюдаю. Старый и малый, оба в чём-то сером. Длинные однотонные рубахи до колен, подпоясанные. Больше рассмотреть ничего не удаёт-

ся. И не слышно ничего.

Наконец, рыбаки закончили постановку сетей и уплыли вниз по течению. Не могу оторвать взгляда от первых людей этого мира. Ловлю себя на том, что начинаю приподниматься над травой, чтобы окликнуть рыбаков. Собака внимательно смотрит на меня, как будто спрашивает, что делать.

Этот взгляд приводит меня в чувство, разжимаю судорожно сжатые кулаки и опускаюсь назад в траву. Надо успокоиться и всё разведать. Тихонько отхожу назад.

Значит, я угодил всё-таки в прошлое, судя по одежке и лодке, и, слава богу, что тут есть люди. Это уже появляется хоть какая-то определённость. Судя по одежде, а что – по одежде? Таковую одежку носили в деревнях чуть ли не до бабюшки царя-освободителя. Нечего тут сидеть и умничать – надо делом заняться. Только выпуливаться из камыша с криком – вот он я весь из себя такой прогрессор, встречайте меня – не стоит. Ещё на вилы поднимут или, что вернее, притопят. Да и с языком надо будет как-то разобраться. А пока подберёмся поближе и глянем остороженько, что там мне повстречалось.

Строжу Грома и пробираюсь вслед за рыбаками, посматривая по сторонам и прислушиваясь.

Наконец, впереди через кусты проглядывают сторожевые башенки. Стоп, дальше нельзя, могут заметить. Вовремя останавливаюсь и отступаю.

Вот и нарисовалась проблема с легализацией. В таком ви-

де, одному, мне в поселение лучше не соваться, в лучшем случае посадят в острог или кинут в яму, и жди потом честного и справедливого суда.

А могут ведь и продать запросто, и ошейник рабский надеть. Кстати, надо ошейник Грому вернуть – целее будет. Уж о таких случаях много чего написано в разных умных книжках. Нужно для начала побродить по округе, может, найду какие-нибудь ответы на свои вопросы.

Только очень осторожно надо бродить, чтобы шпионом не выглядеть. Кто знает, какие мысли придут в головёнки местным жителям, если увидят меня такого, неизвестно в какой одежке и в резиновых галошах, да с собакой, породы которой тут быть не может по определению, да ещё и чёрной, как ночь. Вот же проблема! Нет людей – плохо! Появились – ещё хуже стало!

Ладно, надо искать тропки и по ним, по неведомым, побродить, посмотреть. Ну что – вперёд, Гром. На тебя вся надежда, ты уж не подведи меня, мальчик.

Птиц нет, это хорошо, не выдадут. Поиски оказались безрезультатными, ничего мы не нашли, никакого мусора. Видимо, плотность населения тут оставляет желать лучшего. В крепость соваться абсолютно не с руки. Надо вернуться на то место, где я рыбаков встретил, и попробовать с ними наладить контакт. Может, что и получится.

Располагаюсь на косе, неподалёку от места постановки сетей, развожу маленький костерок. Варю ушицу из остатков

своей рыбы и настраиваюсь на долгое ожидание. Как я и думал, рыбаки появляются рано утром. Сначала меня об этом оповестил Гром – заворочался, насторожился, глянул искося, заметил ли я, а чуть погода донёсся и еле слышный плеск вёсел. Подкидываю пару веточек в костёр, прячу свою самодельную посуду, ни к чему пока лишние вопросы. Сижу, якобы перекусываю на бережку.

Из тумана выныривает челнок с давешними рыбаками. Замечают меня и начинают судорожно табанить. Сажусь и приветствую поднятой рукой людей. Вроде подуспокоились, вёсла опустили и, похоже, тоже думают, что делать. Будут сети проверять или удерут сразу? Нет, видимо решили проверить. Это хорошо, появляется шанс. Спокойно сижу и наблюдаю за рыбаками. Мужики тоже косятся постоянно. Но сети выбирают хоть и споро, но без дёрганья, это уже радуется. Когда процесс подходит к концу, оглядываются на меня. Я жестом приглашаю к костерку и развожу руки в стороны, показывая, что у меня нет оружия. Рыбаки, перемолвившись между собой, подгребают к косе. Один остаётся в лодке, а второй осторожно выпрыгивает на песок. Поднимаюсь, даю команду Грому оставаться на месте и делаю пару шагов навстречу. Рыбак тоже подходит на пару шагов и недоумённо рассматривает мою одежду, переводит взгляд на галоши и выпадает в осадок.

Взрыкивает собака, и мужик приходит в себя. Второй что-то спрашивает, рыбак отмахивается. Я жестом приглашаю

присесть к огню. Присаживаемся, гость не выдерживает первым и начинает выспрашивать меня. Ёшкин кот, а вот и первый рояль нарисовался. Всё, что говорит мне мужичок, я отлично понимаю. Повторяю сказанные мне слова приветствия и представляюсь идущим издалека вольным мастером, желающим посмотреть мир и подзаработать денег. На тут же последовавший справедливый вопрос, где же тогда мои вещи и инструменты, отвечаю, что отобрали лихие люди. Пришлось всё бросить и спастись бегством. Про мастерство отвечаю, что я строитель, но могу и ещё кое-что делать. Не знаю, правильно ли я назвал свою профессию, может и нет таких слов ещё, но уже поздно метаться, болтанул, не подумав.

Всё время внимательно отслеживаю реакции собеседника, всё-таки первая проверка. Некоторые мои ляпы можно списать на иноплеменное происхождение, равно как и одежду, и собаку. Только на это надеюсь и напираю осторожно.

Наконец, задаю свой самый животрепещущий вопрос:

– Куда я попал?

– Так, Опоцка это, – отвечает мне рыбак. Уже легче.

– А старший кто в поселении? – спрашиваю, чтобы хоть как-то сориентироваться во времени.

– Дружинник княжеский Изяслав.

– А княжит у вас кто?

– Трувора княжить в Изборске посадили весной, вот он и разослал малые дружины для защиты поселений от татей и

ворога, да присмотра.

Вот это я провалился, или, если сказать по-другому, попал, так попал. Ведь про эти времена никому толком ничего не известно – всё на уровне домыслов. Думай, голова, хорошо думай.

Надо как-то легализовываться.

– А одежду какую найти можно в поселении? А то остался без одежды, показаться людям на глаза стыдно? Денег у меня нет, да вот, кроме собаки, ничего и не осталось. Всё, что было нажито непосильным трудом, пропало.

Замялись мужички, похоже, жадность одолела. А может, и у самих ничего лишнего нет. Ладно, пойдём другим путём.

– А торг-то у вас тут есть?

– А как же, всё есть, всё можно купить, были бы денежки.

– Возьмёте с собой до поселения? А то я в своей обуви далеко не уйду, – хитрю я.

– А зверь-то твой ну как лодку перевернёт?

– Да нет, он смирный, ляжет на дно и будет лежать.

– Ну, залезай тогда, да за зверем своим смотри хорошо.

Ну вот, дело-то движется, доберёмся, осмотримся и подумаем, что дальше делать. Хотя наверняка отведут меня к князьему дружиннику, а вот он и будет мою судьбу решать.

Ничего, выкрутимся.

Подбираю свой коробок – пригодится, выбросить никогда не поздно, и заскакиваем с Громчиком в лодку, сразу укладываю его, чтоб не прыгал, и сажусь рядом, придерживая его

за ошейник.

Рядом корзины с рыбой и мокрые сети. Лодка интересная, выдолблена из цельного ствола и борта нарощены на пару досок. Должна быть тяжёлой на ходу, но рыбацки, смотрю, лихо управляются.

С жадностью смотрю по сторонам, впереди выплывают мостки. А лодок-то совсем мало. Или все на промысле, или, что вернее, даже такую лодку не всякий себе позволить может. Попробуй, выдолби этакое чудо, это умельцем нужно быть. Вот, кстати, прекрасный вариант – можно лодки делать. Соорудить простенькую лесопилку, чтобы брёвна на доски распускать, да начать лодочки строить. Уж какую-никакую расшиву или ушкуй я могу построить, не говоря о таких вот лодчонках. Кстати, здесь же парусное вооружение никакое ещё – можно косые паруса поставить, и будет мне счастье. Надо будет перебираться поближе к озеру, город-то уже должен там быть.

Лодочка ткнулась в низкий берег, прошуршав днищем по дну, мужички выпрыгнули. Мы с Громом сиганули за ними. Помог вытащить лодку повыше на берег.

Да, затупил я. Мостки-то тут, видимо, только для девок да баб – бельё стирать, а лодчонки все на бережку сохнут.

Подхватываю корзину с рыбой и поспешаю за мужиками. Впереди изгородь из вертикально врытых брёвен, высотой метра три, деревянные же ворота. В воротах – пара стражей. Что-то вроде кожаных курток, обшитых каким-то железом,

свободные шаровары и сапоги, опять же из кожи. На головах – шапки. В руках копья, но не длинные, чуть выше голов. Наконечники тоже железные. На поясах с одного бока мечи, а с другого – висит то ли большой нож, то ли маленький меч. За спиной круглые щиты.

Насторожились, копья перехватили, разошлись в стороны, смотрят внимательно. Сверху над частоколом мелькнула чья-то голова, отсверкнула чем-то железным.

– Гром, спокойно, – тихо командую.

Подходим, мужики что-то тихо рассказывают, оглядываясь на меня. Стою, отстав на несколько шагов, нечего лишний раз стражу напрягать. О чём там шепчутся, не прислушиваюсь, да и так всё понятно. Наверняка рассказывают, что очень странного чужака поймали.

Опускаю корзину на землю, стою спокойно, хотя внутри всё в тугую пружину сжалось. Гром на полшага выступает вперёд. Почувствовал моё напряжение и решил защититься.

– Спокойно, – повторяю команду.

Доклад, похоже, закончен, оба воина смотрят на меня. Здоровуюсь, от меня не убудет.

Левый стражник кивает в ответ, а правый сдвигается чуток в сторону и назад.

Ох, что-то не нравится мне такая встреча. С другой стороны, кто я тут такой для них, чужак, и звать меня никак.

– Кто таков, куда и откуда идёшь? – спрашивает опять же левый стражник. Получается, он тут старший.

Делаю два шага вперед. А ребята-то сразу как напряглись. Стоп, дальше не пойдём, нечего их провоцировать лишний раз.

– Вольный мастер, ищу, где заработать можно, иду изда- лека. Да по дороге лихой народец решил за мой счёт пожи- виться. Хорошо хоть сам ноги унёс, если бы не собака, ле- жал бы сейчас в кустах каких. – Глажу собаку по голове. – Инструмент, правда, пропал. Жалко, справный был и боль- ших денег стоил.

– Одежка на тебе странная, это где ж такую носят?

– Я ж говорю, иду издалека, очень издалека, из Гишпа- нии. Город Толедо, там и мастером стал, многому научился. Вот решил мир посмотреть, да деньжат заработать, и осесть там, где сердцу приглянется. А одежка – в такой одежке там все спят. Налетели-то на меня рано утром, вот и одеться не успел, убежал, в чём был.

Чувствую, напряжение из стражников чуть-чуть ушло, продолжаю навешивать лапшу дальше.

– Пробирался по реке, ловил рыбу, уток, места-то незна- комые. Встретил ваших рыбаков, попросил до поселения подвезти.

– Ну и что ты тут делать будешь, денег-то у тебя нет? Ни одежку купить, ни переночевать, ни в харчевне расплатить- ся. Что на это скажешь? Если что дурное умыслить собрал- ся, то у нас поруб холодный, враз голову остудит.

– Да нет, дурного ничего не умышляю. Руки есть, голова

на месте. Может, кому что помочь надо будет. Я много что умею делать. Вот и заработаю. А может, вы мне подскажете, кому работник нужен или где какую монету заработать можно?

Переглянулись между собой стражи, посоветовались взглядами.

– Дойдёшь до десятника, расскажешь ему про себя, может, что и посоветует тебе. По крайней мере, других вариантов у тебя пока нет. Вот рыбаки тебя и проводят.

– Батяша, проводи гостя, как разгрузитесь. – Кивнул стражник старшему из рыбаков.

– Ступайте. А ты смотри – поселение у нас невеликое, все на виду.

Киваю в ответ, поднимаю корзину и топаю за мужиками, ощущая, как жжёт спину подозрительный взгляд.

Ффух, кажется, пока пронесло. Первая встреча прошла «на высоком уровне». Вроде не спалился.

Но впереди ещё встреча с местным воеводой, а на эту должность дураков в эти времена не ставили.

Улочка прямая, дома стоят рубленые, небольшие и невысокие. Крыши крыты камышом, труб печных нет. Чистенько. В основном весь народ возится на огородах, хотя слышу вдалеке звон железа, где-то работает кузнец. Детишек тоже не вижу, наверное, все приставлены к делу. Поживём – узнаем.

Куда же, интересно, рыбу несём? Или торг, или производство. Хотя зачем гадать – дойдём, и всё своими глазами уви-

жу.

Наконец заносим корзины в ворота, за ними строение, раз-
за в два больше остальных. Обходим, и с задней стороны, ря-
дом с прорезанными в стене дверями наконец-то обнаружи-
лась небольшая, сложенная из камней, печка. Ставим корзи-
ны на землю. Батяша заходит внутрь, а я быстро осматрива-
юсь.

Довольно свободный двор, в дальнем углу что-то вроде
выгребной ямы и туалет. По крайней мере, что-то на него
похожее. Тут же рядом загородка, в которой бегает несколь-
ко свиней. Вижу коз, сеновал, небольшой сарайчик, похожий
на курятник, с выгулом. Чуть в стороне огород, на котором
копшатся несколько человек.

На меня никто внимания не обращает, вот и славно. Нако-
нец, появляется Батяша. За ним степенно выплывает коло-
ритная личность, полностью заполняя собой дверной проём.
Огромный мужик – сила так и прёт из него. Вьющиеся ру-
сые волосы, остриженные под горшок, аккуратная бородка и
усы. Одежка побогаче, чем у рыбаков и стражников. Шапка
из меха, с заломом, рубашка расшита узорами по воротнику
и манжетам, пояс разукрашен какими-то кистями. В ножнах
на поясе небольшой клинок. Хотя, может, для кого и неболь-
шой, а для меня так больше на меч по размерам потянет. Зе-
лёные шаровары и мягкие сапоги. Похоже, директор местно-
го общепита. Но выглядит достойно – харизматичная лич-
ность.

Осматривает улов и распоряжается заносить корзины в темноту помещения.

Подхватываю свою ношу и спешу за своими знакомцами. Помещение разделено на общую и внутреннюю зону. В общей стоит несколько больших столов с длинными лавками. Во внутренней – оборудована кухня. Посередине большая печь из камней, опять же без дымохода. Часть дыма уходит в отверстие на крыше, но всё равно дышать нечем, как они тут постоянно готовят? Мне так без противозага не выдюжить, да и глаза режет, сразу слёзы потекли. Поваром женщина, и в помощницах у неё две девчушки.

Больше ничего увидеть не получается, слёзы так и текут. А они тут целыми днями.

Примасиваю корзину вслед за другими на лавку и спешу на свежий воздух. Вот оно, оказывается, счастье – глоток свежего воздуха. Да уж, привычка – страшная сила!

– Ну, что? Пойдём, отведу тебя, – зовёт Батяша.

Откашливаюсь, вытираю слёзы и догоняю своего провожатого. Собака моя прыгает вокруг, радуется. Как же, любимый хозяин живым вернулся из страшного дыма. Да, копильня ещё та.

А вот это строение впереди и получается воинская изба? Чуть поболее остальных домишек и обнесена по кругу невысоким частоколом. Угадал. Проходим через узкую калиточку рядом с воротами, чистенько, дорожки песочком отсыпаны. Перед крылечком ровная площадка, с одной стороны

площадки что-то вроде спортивного инвентаря разложено. Мешки с песком, камни разных размеров, брёвнышки. Даже какое-то подобие турника установлено. С другой стороны вкопаны чурбаки разной высоты. По чурбачкам два бойца скачут, а снизу два других пытаются их палками скинуть. А это сооружение у избы похоже на оружейную стойку. Потому что вижу копья и мечи. Чертыхаюсь про себя – древние века, варвары, да тут порядка и цивилизации почти как у нас, а то и больше. Если бы ещё печи топились по-белому, вообще красота была бы. А кто мне мешает прогресс двинуть и соорудить печку с дымоходом? Элементарно, Ватсон!

Батяша поднимается на крылечко, я за ним. Командую Грому, чтобы ждал, и захожу в избу.

Окна в доме небольшие и затянуты не пойми чем, поэтому со света ничего не вижу.

– Пришли, наконец? Долго добирались. – Слышу из угла.

– Да сам же знаешь, пока Гостимир каждую рыбину не осмотрит, товар не примет. Вот как принял, так мы сразу же и пришли.

Наконец, мои глаза привыкли к сумраку избы, и я осмотрелся. Большое помещение, посередине такая же печь, как в трактире, у стен лавки. В углу здоровущий стол, за ним на лавке сидит десятник. Одет так же, как и стражи на воротах. А нет – железа на нём побольше, и пояс побогаче.

Пока я осматривался, десятник тихонько переговорил с Батяшей и отпустил его. Теперь пришла моя очередь.

– Ну, здравствуй, мил человек. Меня кличут Изяславом, отвечаю за оборону поселения, слежу за порядком. Посажён сюда князем нашим. Теперь хотелось бы от тебя услышать, кто ты таков, откуда и куда идёшь, чем на жизнь зарабатываешь? Что по пути видел, кого встречал? – Взгляд-то у десятника, что рентген, до косточек пробирает. Сразу армия вспомнилась, так и подмывает стойку смиренно принять. Ну, нас-то тоже не пальцем делали, за плечами двадцать лет службы, всякого повидал.

– Родители Владимиром назвали, родился и вырос далеко отсюда. Когда родителей не стало, решил мир посмотреть и себя показать. Так и шёл от селения к селению, от города к городу. На жизнь трудом своим зарабатывал, пока на лихих людишек не наткнулся. Если бы не собака моя, лежал бы сейчас в кустах каких. Но с инструментом своим мне пришлось расстаться, иначе не убежал бы. Люди на моём пути попадались и злые, и добрые. Голодать не голодал – потому как руки на месте и есть голова на плечах.

– Доложили мне, что из дальних стран ты идёшь. Где ж ты нашему языку научился?

– Вот пока шёл, языки и учил, – отвечаю. – Ведь я не только ваш знаю, но и на других тоже немного могу говорить. Не то чтобы совсем уж хорошо, но понять могу, о чём речь идёт.

– Это хорошо, всегда пригодиться может, а мастерить-то, что умеешь?

– Да много что умею, вот печь могу вам сложить в избе,

не чета вашей будет – теплее станет и дым пропадёт. Дома каменные могу поставить.

– Неужто и дыма не будет вовсе?

– Не будет. – И смотрю внимательно, реакцию отслеживаю. Заинтересовался, кулаки сжал, спину выпрямил. Давай, родной, заглатывай наживку поглубже. Сейчас для меня главное зацепиться тут, заинтересовать местный народ. А то долго буду под присмотром.

– Значит, печь можешь нам сложить, – размышляет вслух десятник, а сам тоже краем глаза на меня поглядывает.

– Сложить-то можно, работа хоть и очень сложная, тяжёлая, но и результат того стоит.

– Так, ладно. – Хлопает ладонью по колену. – Денег у тебя нет и расплатиться за кров и прокорм тебе нечем. – Смотрит на меня вопросительно-утверждающе.

– Так. – Киваю. А что тут скажешь.

– Тогда жить пока с нами станешь. Присмотримся к тебе, что ты за человек. Кормиться тоже с нами будешь с одного стола. Одежку свою поносишь, не зима, чай. За собакой своей сам смотри, проблем чтоб никаких от неё не было, пусть на дворе живёт. Убирать за ней будешь. С воинами моими не задирайся, да и не получится у тебя. Молчи, предупредить я тебя обязан. Вопросы есть?

– Всё ясно, но пара вопросов имеется.

– Давай. – Смотрит вопросительно.

– Спит каждый на своём месте, или кто где получится? И

за столом – куда мне садиться, на любое место или...

– Спать будешь в углу, вот тут. Место твоё за столом будет с краю. Ложки, чашки у тебя тоже нет? – Смотрит вопросительно.

– Нет, всё пропало. И денег нет, чтобы новые купить, – отвечаю, давая на сочувствие.

– Ложку и чашку дадим. Пока свою не купишь, попользуешься нашими. Понятно?

Не прокатило. Что делать, кров и стол получил, и за то огромное спасибо. Да и жив пока.

– Всё понятно, – отвечаю. – Благодарствую.

– Раз всё понятно, ступай на двор. К столу не опаздывай, ждать не будем.

Вышел на крылечко, Гром подскочил, хвостом машет, радуется. Ну, хоть кто-то мне радуется.

Огляделся, бойцы продолжают по брёвнам прыгать. Не буду им мешать, отойду на другую сторону. Вот тут на камушек присяду у изгороди да подумаю хорошенько. Заодно и в себя приду, переволновался.

Про печки я хорошо придумал, никуда местные от меня не денутся. И десятник, и трактирщик, а за ними и другие подтянутся. Так что работой я себя обеспечу и, соответственно, заработком тоже...

Но для этого нужно найти подходящую глину, местные же её где-то берут? Сделать несколько форм для кирпичей, и процесс пойдёт. Обжигать негде, поэтому сначала буду де-

лать печь для обжига – небольшую, с большой мне пока не сладить. Народ, по идее, должен начать любопытствовать, поэтому кто-нибудь да загорится новыми знаниями, и будет у меня помощник, а то и не один.

Место для работы! Вот о чём в первую очередь надо узнать. Лучше начинать работу рядом с залежами глины. Хорошо бы и вода рядом была. Лопаты нужны, яму затворную сделать. Для печки придётся кирпич просто высушить на солнце, сколько-то простоит, а там уже будет полегче.

Рыкнул Гром. О, как я задумался. Прожекты строю, а по сторонам кто смотреть будет?

Бойцы закончили свои попрыгушки и подошли ко мне. Любопытствуют или что задумали?

– Спокойно, – команду собакину и поднимаюсь на ноги.

Да нет, про «задумали», это я погорячился. Больно глаза у ребят добрые, плохого в них ничего не видно. Любопытство наружу так и просится.

– Будь здоров. Вот, подошли познакомиться да поговорить с новым человеком, – говорит самый бойкий. – Меня Мстишей кличут. Это Ждан, Добронег и Вторуша, – представляет остальных парней.

– Владимир, сын Владислава, – представляюсь.

Оп-па, что-то я накосячил. Как-то резко насторожились хлопцы. Вылетело слово, назад не запихаешь. На заметочку этот момент, и потом разузнаем, что к чему.

– Говорят, издалека к нам? – осторожно так спрашивает.

– Да уж, ноги-то потоптать пришлось хорошо, – спокойно отвечаю.

– И что там? Тоже люди, как мы живут? А как живут, где живут, с кем воюют, что одевают, – посыпались вопросы.

– Да везде люди одинаковые. Живут так же – кто-то лучше, кто-то хуже. Всё, как у нас. Одежка тоже разная, отличается, конечно, от вашей кое-чем, а так всё одно и то же.

– А вот на тебе что такое надето? Это где такое делают и носят? И обувь такая странная, никогда такой не видел. – Подключается Ждан.

– Делают далеко отсюда. Год идти надо. Видишь, как изнашивается за это время, – придерживаюсь своей версии.

– А собака у тебя, мы такой и не видели. Откуда такая? – спрашивает третий.

– Собака эта из Итальянской земли. Есть такая далеко на юге. – Поворачиваюсь к нему.

У бойцов глаза по пять советских копеек.

– Неужто ты и там побывал?

Вот что ответить? Буду продолжать играть роль бывшего путешественника.

– Довелось и там побывать, – солидно отвечаю. О, кстати, сюда надо вернуть идею про печки. – Научился я там печному делу.

– А это ещё что такое? – Ключнули.

Прочитываю им краткую лекцию в двух словах об отопительных и варочных печах, пусть слухи начинают распол-

заться. А то неверие и недоверие местного населения ещё победить нужно. Ничего, курочка по зёрнышку клюет, победим!

– Что, такую печь кому-то делать будешь? – с огромным почтением спрашивает Мстиша.

– Вот думаю делать, только сначала хорошо подготовиться нужно, инструмент справить, место найти для работы. Придётся времени и сил много потратить. Сделаю – заработаю. Жить-то на что-то надо. Ваш начальник меня на постой пока к вам определил. Вместе будем теперь, вот сами всё и увидите.

Тут и Изяслав на крыльцо вышел, лёгок на помине – только глянул, бойцов как ветром сдуло, кинулись тяжести ворочать. Крякнул, головой мотнул и пошёл на улочку. Подхватился и я следом за ним. Догнал, пристроился рядом.

– Что ещё спросить хочешь? – Искоса глянул на меня десятник.

– Хочу для своей работы начать кирпичи из глины делать. Не подскажешь, к кому за разрешением подойти нужно?

– Мне сказал, этого хватит. Ещё что хотел? – Смотрит, что не отстаю.

– Ещё бы место найти, где глина хорошая есть и вода недалеко, – забрасываю удочку.

– Есть такое. Завтра покажем, должен будешь.

Ну да, кто бы сомневался. Ничего за столько веков, оказывается, не изменилось. Было, есть и будет.

– Понимаю. – Киваю в ответ.

Останавливается и поворачивается ко мне:

– Об остальном вечером спросишь, когда спать ложиться будем.

Теперь мне необходимо дойти до кузни, познакомиться с кузнецом, посмотреть, что он может сделать. Да и на будущее нужно задружиться. Сюда шли, звон вроде с той стороны слышался, вот туда и отправимся.

На отшибе вижу искомое строение. Распашные двустворчатые двери, даже не двери, а больше на створки невысоких ворот похожи. Из них дым валит. Как же они тут к дыму привыкли, дышать же нечем?

Крепкие люди.

Подхожу ближе, отвлекать кузнеца как-то не с руки, да и некрасиво мастеру в работе мешать.

Может, он там о высоком мыслит-творит, дыма наглотавшись.

Присаживаюсь на бревно у стеночки, подожду. Рано или поздно, а кузнец всё равно подышать выйдет.

Наконец, мои ожидания пришли к своему логическому завершению. Створка закрипела, и я вынырнул из дрёмы. Половинка воротины приоткрылась, и на улицу шагнул, будем считать, что кузнец. Потому что у меня получился разрыв шаблона. Вопреки сложившемуся стереотипу, кузнец оказался невысоким, худым и жилистым человеком, да ещё и до черноты прокопчённым. Волосы все в копоти и дыбом

стоят, на лбу верёвочка широкая, чтобы пот глаза не заливал, наверное.

Помяни нечистого к ночи, вот он наяву и появился.

Подрываюсь с бревна, но неспешно, солидно, себя-то тоже подать необходимо грамотно.

Здоровуюсь первым, проявляю уважение. Во взгляде вижу усталость и лёгкий интерес, скорее к моей одежде, чем ко мне. Всё правильно, мне-то его и заинтересовать пока нечем. Попробую сыграть на профессиональной гордости.

– Не помешаю, уважаемый?

– Сиди, чего уж там. – Кузнец основательно усаживается на самую середину бревна и откидывается на стену кузни. С наслаждением вздыхает, прокашливается и сплёвывает через бороду чёрную, тягучую слюну.

– Эх, хорошо-то как. – Зажмуривается от удовольствия.

Приблизительно через полчаса коваль пошевелился, потянулся:

– Твоя собака?

– Моя, – скупно отвечаю. Болтуном прослыть неохота, помолчу пока.

– Откуда такая серьёзная взялась? У нас таких и близко не видел.

– Издалека, из чужих земель.

– Вот оно как. Если будут сук подсовывать на случку, просто так не соглашайся, потому что у нас, да и в округе – нет таких собак. А то, слышал, всё имущество своё ты утерал.

Вот хоть мошну немного набьёшь себе, не гоже таким видом народ честной пугать. – Покосился кузнец.

– За совет спасибо. – Киваю. – Только вряд ли будут подсовывать. Собак-то я у вас и не видел.

– Всё у нас есть, и собаки тоже есть. Только все хорошие – на промыслах да на службе. Погоди чутка, придут ещё. Если что, можешь на меня сослаться. Мол, кузнец Головня научил. – Захихикал мастер.

– Благодарю за науку. – Кивнул ему.

– А ко мне зачем пришёл? Ко мне ведь только по делу ходят. Просто так поболтать никто не заходит.

Вот оно что. Правду я читал, что кузнецы почитались наравне с колдунами. Считалось, что в своей кузнице им черти помогают, и простой люд стороной обходил и кузню, и самого кузнеца.

– Я так понял, что уже все вокруг знают о моей беде. Захребетником мне становиться неохота, а инструмент мой весь у лихих людишек остался. Но есть у меня задумка одна, как можно и заработать хорошо, и людям помочь.

– Это как же, зарабатывая, ты другим людям помогать будешь? – Покосился кузнец.

– Да так же, как и ты, и любой другой мастер. Ведь ты тоже людям помогаешь, куёшь им всякое нужное, а они тебе за то исправно платят, ведь так?

– Вон как ты повернул. Ежели так считать, то всё правильно. И заработок, и людям помощь.

– Вот я и помогу людям, могу печи класть. Не будет того дыма в избе, гораздо теплее станет и ещё готовить можно будет на них, – спокойно, как бы размышляя, объясняю свою задумку. – И заработок хороший, опять же. Дело-то новое, полезное.

– Да разве можно без дыма-то? – удивился Головня.

– Можно и нужно. Тебе-то самому разве по нраву в этом дыму свою работу делать? – Теперь уже я покосился на мастера.

– Дык. – Запнулся кузнец. – И отец мой и дед, все так работали.

И что я ему скажу? Что нужно прогресс вперёд двигать? Так ему на этот прогресс с высокой колокольни... У него все предки так работали. Думай, голова, начальником станешь.

– Вот что я тебе скажу. Для того, чтобы такую печь сложить, надо кирпича много наделать. По одному лепить, долго очень получится, к осени если только. А кушать хочется каждый день. Придумал я соорудить приспособление, чтобы за раз делать по несколько кирпичей. Дело пойдёт гораздо быстрее. Сегодня вечером буду с десятником говорить. Может, подскажет мне место, где хорошей глины много. Буду мастерскую ставить.

– С десятником, говоришь? – Задумался кузнец. Заскрёб затылок пятернёй, посыпались хлопья сажки. – Место и я тебе указать могу. – Хитро прищурился.

– К месту мне и вода рядом необходима. Без воды ничего

не получится. – Щурюсь в ответ.

– Есть и ручей рядом... – тянет Головня. – Только тебе всё равно без моей помощи не обойтись, инструмент понадобится.

Есть! Заинтересовался. Теперь аккуратно разговариваем дальше.

– Может, и понадобится. Да только ты ж просто так мне инструмент не сделаешь? Наверняка взамен что-то потребуешь... – теперь тяну я.

– Договоримся так. С меня инструмент, какой нужен будет, и помощь тебе, а ты меня учишь своему делу, – осторожно предлагает и смотрит, проскочит или нет.

Щазз! Дураков нет! Дело-то новое и перспективное, доход сулит не просто хороший, а астрономический. Но вся фишка в том, что мне тут оседать не с руки. Мне б куда поближе к большому Псковскому озеру. Но говорить о своих планах я, конечно, не буду. Немного приподнимусь и стартану дальше.

– Смотри, Головня, вот сделаешь ты мне инструмент, начну я делать кирпич и научу тебя всему, что знаю сам. Печи научу класть. Ты мастер, поэтому мою науку переймёшь на раз. Я пришлый, ты местный – вся работа к тебе уйдёт, и останусь я ни с чем, только с инструментом, который не так-то сложно сделать. Вот и посуди, для чего мне тебя учить, какая такая мне с этого будет выгода?

Задумался кузнец. Прямо вижу активный мыслительный процесс, даже сажа с головы посыпалась. Надо помочь бедо-

лаге.

– Давай так. С тебя за обучение инструмент, посильная помощь, если работы в кузне не будет, одежда, обувь и питание мне и моей собаке. Если что понадобится для нашего (специально выделяю это слово) дела – ты сделаешь. Могу тебе помочь по мере своих возможностей. Это пока учить тебя буду. Когда будем работать заказы, всё делим пополам, за вычетом изготовленных изделий.

Опять убеждаюсь, что наши предки нам ничем не уступали по части соображения. Разные эпохи и технологии, а люди – какими были, такими и остались. Сам уже запутался, где оно теперь, моё прошлое, настоящее, будущее? Раньше или сейчас, или потом. Я уже сам стал раньшеим.

– А собака-то тут при чём? – довольно спрашивает кузнец.

– Как это при чём? Ты учиться хочешь или предпочитаешь, чтобы я ему пропитание добывал? – так же довольно отвечаю я.

– По рукам. – Хлопает себя по бёдрам и выбивает тучу пыли из штанов Головня.

– По рукам.

– Когда показать место сможешь? – Встаю с бревна, сидеть уже не могу, отсидел всё, что можно и что нельзя.

– Да вот сразу и пойдём. Посмотришь, подойдёт нам такое место или ещё искать нужно будет?

– Пошли, коли не шутишь. – Пытаюсь разработать затёкшие мышцы.

Кузнец через голову снимает толстый кожаный фартук, вешает на прибитую скобу, хлопает себя по одежде, опять вздымая в воздух тучи сажи.

– Ступай следом.

Поворачивает за угол, вижу заросшую крапивой и лопухами тропку. Оказалось, совсем недалеко идти, минут десять – пятнадцать. И, похоже, местные тут глину себе и добывают. Спуск к ручью с обрывистого берега, и берег весь расковырян.

Спускаюсь с обрыва, Головня остаётся стоять – смотрит сверху внимательно.

Подбираю комок глины, разминаю в ладони, смачиваю в воде, опять разминаю. Скатываю колобок и оглядываю залежи. Отличное место! И глина отличная, можно сразу в дело пускать, никаких добавок не надо. Можно тут же и ямы выкопать затворные, и подсушивать сразу же отформованные кирпичи. Навес как раз поместится между склоном оврага и ручьём. А там, за навесом, печь сложу для обжига, чтобы недалеко таскать было. Лесок метрах в ста начинается – вообще хорошо, всё рядом. Будет где дровишки брать.

Машу рукой, подзывая кузнеца.

– Как место, подходит ли? – Вопросительно смотрит мастер.

– Место отличное. Давай наметим, что где у нас будет находиться, и завтра приступим к подготовке, ну или я сам приступлю, если ты шибко занят будешь.

– Занят, не занят, а работать начнём вместе. Хочу сам видеть, что и как делать будешь.

– Так это ещё лучше. Утром поем и сюда приду. Только не знаю я, когда в воинской избе за стол сядутся. Проходить мимо буду, загляну к тебе. На завтра нужно пару топоров и лопат приготовить, есть у тебя, или делать нужно будет?

– Для такого дела найду. – Вопросительно смотрит. – Ещё что нужно будет?

– Пока хватит. Оборудуем место, выкопаем ямы и глину готовить будем. Пока глина будет размокать, я тебе рисунки дам. По ним и надо будет сделать дельные вещи. Сделаешь всё по два. Один мне, второй себе оставишь.

Закончив разговор, возвращаемся к кузне. Мелькает мысль зайти и оглядеться, пока мастер молчит. Ловлю эту мысль за хвостик, пока не убежала, и, спросив разрешение, пригнув голову, осторожно захожу внутрь.

Больше всего меня интересует наковальня. Потому что наковальня в кузне всему голова, именно с неё и начинается кузница, а уже потом, на втором месте, идут инструменты. Кто-то скажет, что кузня начинается с кузнеца, а уже потом всё остальное, – и тоже будет прав. Но мне, в данной ситуации, наковальня важнее, ибо потребуются сделать много длинных и тонких пластин. Так что наковальня мне понравилась.

Теперь хорошо было бы чем-нибудь перекусить, о чём и намекаю Головне.

Мастер хмыкает, проходит в закуток, который я даже и не заметил в сумраке кузни, чем-то там гремит и выносит берестяной короб.

Выходим на улицу, присаживаемся на всё то же брёвнышко. Короб мастер ставит перед собой и жестом фокусника откидывает крышку.

Очень мне интересно, как он будет пайку свою делить, вспомнит ли про собаку. Хотя, попробуй про такого не вспомни, вон как слюни висят. Головня делит всё на троих, каждому достаётся кусок лепёшки и шматок варёного мяса. Тут же на бревне режет луковицу на двоих. Откуда-то достаёт глиняную миску и наливает в неё молока из кувшина. С опаской придвигает ближе к собаке.

Боюсь накосячить, поэтому жду, когда мастер первым приступит к еде. Вдруг надо богам кусочек кинуть или ещё что, но тот просто и без затей вгрызается в мясо и запивает лепёшку молоком, предварительно отлив и мне порцайку в глиняную кружку. С большим энтузиазмом следуя его примеру, и очень скоро всё хорошее в этой жизни, как всегда, быстро заканчивается. Поспешаю ещё и потому, что моя собака проглотила всё как крокодил за раз и уселась напротив меня заглядывать прямо в душу своими жалостливыми глазами. Может, ещё что дадут? Но тут пайка одному только-только.

– Благодарствую, мастер, за угощение. – Поворачиваюсь к нему. – Где можно кружку ополоснуть?

– Да вон, в кадке вода, потом на полку поставишь.

Быстро ополаскиваю свою кружку и Громову чашку, так как на тропинке появляется какой-то поселянин.

– Пойдём мы, пожалуй. До завтра.

– До завтра, – эхом откликается кузнец.

Пора возвращаться назад в воинскую избу, надо поддерживать старые знакомства и заводить новые. Потому как – всегда пригодится. Да и теперь становится жизненно необходимо научиться хоть немного владеть разными острыми железками. Уж всяко не помешает, потому что время на дворе такое.

Так, не спеша переваривая полученный обед, медленно возвращаюсь к назначенному мне для постоя месту.

Глава 3. Работа, работа...

Домики практически все одинаковые – вокруг заборчики из жердей, символического вида, видимо, обозначают границы владений. Улица чистенькая, мусора и грязи нет, только пыль. Да и где её только нет, везде она проберётся. Под заборами зеленеет трава вперемешку с лебедой. Смотрю и думаю, между моим временем и этим бездна веков и практически ничего не изменилось, те же домишки, та же трава, те же изгороди. На заднем дворе вижу навесы для хранения сена и клетки для скота и птицы, дальше что-то вроде огородов. Только не видно, что там растёт, но народ возится в земле. Как деревней пахнет – запах из детства. А ещё ведь где-то должно быть стадо, молоко у кузнеца я пил, вон на сенниках крышки почти опустились, сенокос скоро, значит. И опять замечаю, что собачьего лая совсем не слышно.

Так, размышляя и посматривая по сторонам, мы с Громом доходим до калитки в изгороди, где в воинской избе мне обещали временный приют.

Проходим в калитку – никого нет, тишина. В избе тоже пусто – видать, хлопцы службу тянут. Посидим немного, отдохнём, да и пойдём на воздух, встряхнём организм. Разминочку сделаем, тяжести поворочаем – надо соответствовать времени.

Спустя примерно полчаса выхожу во двор и минут

тридцать разогреваю и растягиваю мышцы.

Потом плавно перехожу к нагрузкам. Удивительно, но нагрузки выдерживаю абсолютно спокойно. Раньше мешок цемента поднимешь, сразу давление к небу подскакивает и голова болит, а тут хоть бы хны, никаких патологий. Интересно, надо бы проверить это предположение. Но не сегодня. Вот завтра начнутся земляные работы, тогда и будем делать выводы. Если всё так, как я думаю, то мне, похоже, наконец-то обломилось чёрное полированное музыкальное чудо под кодовым наименованием «рояль в кустах». Вот было бы здорово!

А вот ещё вопрос из вопросов, есть ли тут баня? Уж очень попариться хочется. Я, конечно, по пути всё время купался, но это не то. А пока схожу-ка я на реку ополоснусь, пропотел сильно, пока нагружался.

Подошёл к воротам, поздоровался со стражниками. Оказались те же самые. Похоже, стоят постоянно, без пересменки. Спросил, где лучше искупаться, чтобы никого не испугать своим белым телом. Ребята посмеялись и указали место за мостками, в кустах, метрах в ста. Мол, там тихо и песочек.

Пока купался и обсыхал, валяясь на действительно хорошем пляжике, в голову пришла идея завтра на ручье поставить верши. Добавка в виде жареной рыбы не помешает. Интересно, а соль тут есть? Надо узнать.

Возвращаясь, поинтересовался у стражей ворот, где Мстишу найти.

– Будет поздно вечером, – кратко ответил старший.

Надо будет познакомиться с ними, а то в моём представлении один – старший, другой – младший. Не дело.

Пока никого нет, схожу-ка я поищу гончара, надо вопрос с посудой для себя и собаки решить. Может, удастся что-то старое и ненужное выцыганить за бесплатно.

Спросил, как пройти. Оказалось, почти рядом – через дом. Сходим, посмотрим.

– Есть кто дома, войти можно? – вопрошаю в темноту дверного проёма.

– Погоди-ка немного, сам выйду, – слышу в ответ.

Под маленьким окошком присаживаюсь на почти такое же брёвнышко, как и у кузни. Здесь верхняя часть бревна отёсана и уже больше похожа на скамью. Вытягиваю ноги – хорошо.

Собака бухается рядом, почти придавливая их своим немалым весом – еле успеваю убрать в сторону.

Сижу – воздух жаркий, напоён ароматами горячего знойного лета. Холодного пива бы кружечку...

Громчик насторожил уши, значит, сейчас появится хозяин гончарни.

И точно, дверь распахнулась, и на порог ступил ещё один колоритный абориген. Но, в отличие от кузнеца, этот персонаж полностью соответствовал своему званию.

Среднего роста, аккуратная борода и усы, ровно остриженная голова. Одежда чистая и опрятная, расшитая узора-

ми, на ногах что-то вроде тапочек из кожи. Лоб перевязан разукрашенной ленточкой.

Я даже как бы застеснялся своего бомжацкого вида.

– Доброго здоровья, уважаемый. – Встаю и наклоняю голову, изображая уважительный поклон.

– И тебе здравствовать. – Зеркально повторяет моё движение и вопросительно смотрит на меня.

– Уважаемый мастер, к моему огромному сожалению, разбойники отобрали всё моё имущество и все деньги. Поэтому купить я у вас пока ничего не смогу. Сам-то я обойдусь, а вот для собаки не найдётся ли у вас какой-нибудь отбракованной миски? Как только подзаработаю, сразу же рассчитаюсь.

Взгляд мастера перемещается с меня на Грома, как бы оценивая, потом опять на меня. Полное ощущение, что у собаки шансов в положительной оценке больше.

Наконец мастер пришёл к какому-то выводу, кивнул головой.

– погоди чуток, посиди вот на лавке. – Развернулся и скрылся в своей тёмной мастерской.

Я не гордый, могу и посидеть. Плюхаюсь на лавку с глухим стуком – исхудал, совсем костлявый стал.

– На-ко вот эту. Думаю, лучше всего подойдёт. – Подаёт мне что-то типа глубокой миски из глины, литра на три.

– Благодарю, уважаемый. – Принимаю с благодарностью дар и осматриваю его.

Отличное обожжённое изделие – настоящая керамика.

Почему же до кирпича мысль не дошла?

Интересно, здесь глазурь уже знают или ещё нет? Спрашивать пока не стану, присмотрюсь сперва. Или Головню поспрашиваю.

– Сколько я вам должен останусь? – Поднимаю взгляд на мастера.

– Да нисколько, для пса не жалко. Ещё что хочешь?

– Пока ничего не хочу, то есть хочу, но не имею возможности, а в долги залезать не буду. – На прощание раскланиваюсь с мастером и возвращаюсь к своему временному, хочется на это надеяться, пристанищу.

Опять никого нет, тишина в огромной избе, только пыль золотыми искрами сверкает в луче солнца над столешницей.

Оставляю теперь уже собачью миску под моей лавкой. А пойду-ка я опять через кузнию к ручью и более подробно всё там осмотрю и размечу, что где ставить. Заодно спрошу у Головни нож и нарежу лозы для верши. Время ещё есть, и что его попусту терять? Дело делать надо.

С такими мыслями подхватываюсь с лавки и ныряю в солнечное пекло. По голове бьёт кувалдой летняя жара – надо сделать себе кепку, что ли.

Кузница встречает звонкими ударами молотка – идёт работа у мастера. Надо подождать.

Заглядываю в проём дверей и, поймав взгляд Головни, киваю ему. Возвращаюсь на привычное уже место. Собака плюхается рядом и укоризненно смотрит на меня, мол, сколько

ты ещё, хозяин, бегать туда-сюда будешь?

Пока жду хозяина, пытаюсь вспомнить хоть что-то о событиях этого времени. Помню только, что была постоянная грызня всех племён между собой. Кстати, именно поэтому и призвали на княжение Рюрика с братьями. А ведь братья-то недолго просидели на княжении, что-то около двух лет, кажется. Интересно, как это оба князя одновременно в разных княжествах заболели и скончались, а земли их отошли под управление старшего брата? Не бывает так. Но этот вопрос оставим пока.

Значит, мне здесь за этот год необходимо развернуть производство кирпичей, для чего необходимо найти несколько помощников и начать класть печи. Думаю, начнём с вытяжной трубы для кузни, после этого наверняка десятник решится расстаться с каким-то количеством денег. Там и трактирщик никуда не денется. А про простых людей и говорить нечего. Вопрос только в наличии платёжных средств у местного населения. Если будет достаточно кирпичей и налажено их производство, то на одну печь мне нужно около двух недель. До поздней осени предстоит напряжённая работа, даже не работа, а впахивание, каторжный труд, по-другому и не назовёшь. Но за это время, надеюсь, моё благосостояние и авторитет достигнут невероятных высот, и можно будет двигаться дальше. Это была шутка, но в каждой шутке есть доля истины. Малая или большая – зависит от самого шутника. После этого надо перебираться ближе к Изборску и на-

лаживать отношения с князем. У меня на это остается ещё около года или чуть больше.

Так, размышляя о приятном, дождался, наконец, кузнеца. Тот появился в дверях с кружкой и, отдуваясь, отхлёбывал её содержимое.

– Что, не расстаться никак, или понадобилось что? – Ухмыляется.

– Да вот думаю, зачем время терять, пойду, размечу площадку, если дашь, чем работать. – Встаю с лавки.

– Что ж не дать, дам конечно, дело-то нужное и общее, пошли, отберём, что понадобится. – Разворачивается и скрывается в проёме.

Отбираю лопату, топор, что-то вроде одноручной пилы и хороший нож. Прошу сделать десяток скоб. Мастер в недоумении. Тут же на закопчённом бревне стены мазюкаю пальцем рисунок, показываю на пальцах нужные размеры и объясняю, для чего это нужно.

Обещает сделать к завтрашнему дню.

Забираю инструменты и отправляюсь на берег. Ещё раз осматриваюсь и отправляюсь к ближайшим кустам за кольями. Буду всё размечать. Как хорошо работать железным ножом, не сравнить с моим убожеством из камня. Прогресс рулит!

Размечаю место под ямы и навес, выбираю, где будет стоять печь для обжига отформованного кирпича, забиваю колья. В лесу валю несколько небольших сосен для навеса, об-

рубаю ветки, размечаю на глазок брёвнышки и распиливаю их на заготовки для стоек каркаса стен и балок крыши. Шкурю и отношу на берег. Отдохнув, приступаю к яме для замешивания глины. Дело идёт споро, грунт лёгкий. Углубляюсь на пару штыков лопаты, больше пока не нужно. Всё укрепляю жердями, переплетаю вершинки лозой и обмазываю той же глиной. Глину пока собираю в воде, благо её тут хватает. Выкладываю мокрую липкую массу на дно и разравниваю. Пусть сохнет.

Отхожу чуток и осматриваю плоды своих трудов. Мне нравится, и я доволен.

Теперь дело за ямами под стойки навеса для сушки кирпича-сырца. Пока иду к вбитым колышкам, вспоминаю, сколько грунта было перекидано во времена бесшабашной курсантской юности. А сколько траншей было выкопано... Да уж, первый курс, это просто физическое выживание. Не даром даже поговорки у нас в училище ходили про каждый из четырех курсов. Так вот, про первый курс у нас говорили так: «Приказано выжить!» И выживали ведь. Хотя и уходили некоторые ребята, не выдерживали нагрузок. Естественный отбор в действии. Но зато после первого курса ты автоматически становился полноправным курсантом, со всеми плюсами в виде лётной пайки, определённого послабления в службе и более выраженного уважения со стороны преподавательского и батальонного начальства. До сих пор своего ротного вспоминаю добрым словом. Настоящий отец-ко-

мандир! Огромное спасибо тебе за науку жизни!

Что-то я отвлёкся, развспоминался.

Кстати, а усталости-то нет! Сегодня столько сделано, а скачу как молодой, практически пашу без перекуров. И голова не болит от нагрузки. Видимо, да, всё-таки тот самый ро-яль. Вот это действительно радует, это мне жизненно необходимо. Ибо мне придётся впахивать как полковому коню, чтобы успеть всё, что напланировал, сделать до поздней осени. Точнее – до заморозков.

Выкапываю неглубокие, на полметра, ямы под столбы. Глубже не надо, это же овраг и ветра здесь большого не будет. Всё свяжется между собой, поставлю подкосы, и стоять моё сооружение будет всю оставшуюся жизнь, пока столбы не сгниют. Можно было бы даже и не вкапывать, но вдвоём эту конструкцию не собрать тогда. Теперь нужно по берегу насобирать камней для того, чтобы забутить опоры. Да и на основание под печь камня много нужно. А почему бы мне заодно тут жилую времяночку не соорудить для себя – лето, тепло и ночи, опять же, тёплые? Отгорожу-ка я себе уголок под навесом. Это мысль дельная, заодно и присмотрю тут за всем.

Перед тем, как начать собирать камни, нарезаю охапку лозы. Пригодится и вершу сплести, и корзину для переноски чего-нибудь. Придавливаю в ручье камнями – пусть отмокает.

Ну что, как говорится, пришло время собирать камни. Вот

и пойду их собирать, потому как их нужно много.

Постепенно гора камней растёт. Сразу же сортирую на две кучки. Первая пойдёт для фундамента печи и вторая – для столбов. А интересно, известняк тут есть? Надо завтра Головню спросить.

Всё – кажется, устал. Силы как-то разом закончились. Сдулся. Пора заканчивать работу и двигаться в сторону места временной дислокации.

Может, нам с Громом и с ужином повезёт? Возвращаемся по уже натопанному маршруту. Кузня встречает тишиной, никого нет. Идём дальше. Народу на улице прибавилось, слышится мычание с околицы. Значит, стадо на подходе. Наконец-то вижу воинскую избу, прохожу в калитку. Уф, ощущение – как будто домой пришёл. Никого ещё нет, помещение встречает тишиной. И что мне делать?

Есть-то как хочется, а нечего. Придётся ждать, и, если никого не будет, лягу спать голодным.

Завтра делаю вершу, пора переходить на самообеспечение, у кузнеца тоже могут быть не бесконечные запасы. Он хоть и обещал поставить нас на полное довольствие, но совесть-то надо иметь. Соли только бы дал.

По пустой избе слоняться неохота, и я ложусь туда, куда мне показал десятник. Подремяю. Громчик подкатывается под лавку. Пусть спит, не буду выгонять, да и лень.

Вскидывается собыш, и я открываю глаза. Вроде только что заснул, а в избе темно. На улице слышу голоса и выхожу

на крыльцо. Наконец – то вернулись бойцы с десятником. Отойду в сторонку, нечего тут маячить, если нужно будет, то позовут. Присаживаюсь на камушек, он ещё тёплый, остыть не успел, и замираю. Как же спать хочется. Закрываю глаза и выключаюсь сразу.

Просыпаюсь оттого, что меня трясут за плечо.

– Изяслав кличет, вечерять будем.

Поднимаю голову – Ждан.

– Иду. – Еле-еле распрямляюсь, всё затекло.

Дружинник уходит, опасливо оглядываясь на настороженного Грома.

Чуть отстав, захожу в избу. Надо же посмотреть, как тут принято за стол садиться, а то могу сделать что-нибудь не так, потом замучаюсь оправдываться. Вижу, как Ждан просто садится на лавку и начинает есть. Наклоняюсь к Мстише:

– Извини, а как тут принято за стол садиться? Что сделать перед едой надо?

– Садись, ешь. Потом расскажу, – отвечает, улыбаясь.

Прохожу на своё место, киваю десятнику и получаю такой же кивок в ответ. Сажусь, передо мной глубокая миска с чем-то дымящимся, кусок хлеба и кружка. Ложка деревянная лежит – видимо, для меня приготовлена. Поддвигаю миску к себе поближе. Вкусно, что-то овощное с мясом. В быстром темпе съедаю половину, другая половина пойдёт Грому. В кружке – компот из ягод, правда, не сладкий. Пью мелкими глоточками, чтобы посмотреть, что народ после еды с посу-

дой делать будет. Опростоволоситься очень уж неохота.

Из-за стола поднимаюсь последним и, забрав свою и Громову миски, выхожу вслед за всеми во двор. Отметив, куда все пошли мыть посуду, зову Грома и иду с ним за угол.

Вываливаю в его посудину остатки кулеша.

– Сегодня тут будешь есть. – Жду, когда миска опустеет, и, подхватив её, несу на мойку. Быстро ополаскиваю и возвращаю посуду на свои места.

Пока я возился, народ разошёлся по делам. Кто – то амуницию перебирает, а кто-то в кружок собрался. Слышу негромкий разговор, прерываемый смехом. Ну да – телевизора ещё нет, да и газет с журналами пока не придумали.

У крылечка меня поджидает Мстиша:

– Пошли, посидим на лавочке, расскажу тебе кое-что.

Присаживаемся. На улице светло – знаменитые белые ночи, которые будут воспеты пока ещё не родившимися поэтами, стрёкот цикад и настойчивый, дабы не сказать больше и хуже, писк комаров.

Но, несмотря на этот маленький недостаток, очарование бархатных сумерек мягко обволакивает нас со всех сторон, и мы умиротворённо замолкаем и какое-то время сидим и просто слушаем эту волшебную музыку. Тёплый ночной воздух настолько чист и напоён ароматами трав и цветов, что возникает ощущение медовой густоты, и я понемножку откусываю кусочки этого нектара.

– Так вот. – Кашлянул мой собеседник, разрывая это очарование.

рование. – Ты человек пришлый и наших обычаев не знаешь, вот меня Изяслав и попросил с тобой поговорить об этом. У каждого человека боги должны быть в душе постоянно, и он всегда с ними общается, советуется, просит о помощи, содействии или наставлении. Боги всегда с нами – запомни это. Просыпаясь, начиная работу, садясь за стол, отправляясь в путь, ты всегда приветствуешь их и благодаришь за прошедшую ночь и наступающий день, за еду, за то, что ты всё ещё жив и топчешь эту землю. Пойми – ты не разделим с богами. Да и как можно разделить одно целое? Садясь за стол, мы про себя благодарим богов за то, за что каждый считает нужным и у каждого это что-то своё, личное, и другим об этом знать совсем не нужно. Ты можешь поблагодарить и вслух, это твоё дело, но только поблагодарить. Конечно, тебе обо всём этом поговорить бы со жрецами, но пока ничего не получится, рано ещё, – медленно, как бы сомневаясь, договаривает мой сосед. – Да, я думаю, остальное ты и сам позже узнаешь, а пока просто постарайся больше присматриваться к другим, кто, что и как делает, и когда, – дополняет осторожно. – Но ты всегда можешь спросить меня о том, что тебе покажется непонятным.

– А я слышал, что нужно кусочек в костёр бросать для богов и глоток из кружки отливать им же каждый раз, – решаюсь спросить.

– А нужны ли богам все эти куски и глотки? Ты только представь, сколько людей вокруг и что будет там наверху, ес-

ли каждый, хотя бы раз, пожертвует по кусочку или глоточку – да свод обрушится! – Хмыкает Мстиша. – Есть свои моменты, когда всё это необходимо сделать, но это я тебе потом расскажу, а пока постарайся понять то, о чём я тебе сказал.

Как интересно, а я-то думал, что тут мрачные древние века, где ничего не делают без ритуального подношения или жертвоприношения. Ведь читал же книжки обо всём этом, а тут вот оно как, на самом-то деле. А может, меня в параллельную историю забросило? Мало информации, очень мало...

– Пошли спать, поздно уже. – Встаёт мой учитель.

– Иду...

Громчику показываю на место под лавкой:

– А ты будешь спать здесь, давай, охраняй нас.

Всё, спать, завтра очень много дел...

А подъём тут с петухами. Служивый народ бодро подхватывается и выскакивает на улицу. Здравствуй, утренняя зарядка! Ничего за века не изменилось, даже слезу выбило от умиления.

Держусь замыкающим, шлёпаю калошами. Небольшая пробежка на пару километров, разминка во дворе и водные процедуры. Ребята косятся с одобрением, но помалкивают. На столе уже кто-то накрыл завтрак – мясо, хлеб и молоко в кувшинах. Вроде все на зарядке были, кто стол накрыл? Спрашиваю ближайшего бойца, не боясь выглядеть глупо – я ж не местный, мне можно... Оказывается, дружину содер-

жит всё поселение, а еду приносят из трактира. Мудро.

Садимся за стол, присматриваюсь к сотрапезникам и подмечаю, как каждый из них то замирает на секунду перед едой, то что-то шепчет про себя. Не хочу отличаться от народа и благодарю богов за дарованную пищу и новый день – про себя, конечно. Поев, поднимаюсь и опять, хвостом за замыкающим, иду кормить свою собаку.

Краем глаза слежу за десятником. Выбираю момент, когда он оказывается свободным, и подхожу к нему.

– Изяслав, разреши пару вопросов задать? – Заметив кивок, продолжаю: – За кузней, в овраге, залежи глины. Хочу там наладить изготовление кирпича для своих придумок. Помогать мне кузнец взялся. Ты против не будешь, если я на том месте работать стану?

– Место общее, подход к нему не перегораживай и работай. Ещё что спросить хочешь?

– В воинском деле я совсем не силён. Помогите освоить эту науку. Знаю, что староват я учиться мечному бою, но мне нужно уметь защитить себя, хотя бы от лихих людей. Не хочу беззащитным быть.

Изяслав задумывается, смотрит на меня, размышляя:

– Хорошо, вечером договорим.

Благодарю и, свистнув Грома, выхожу за калитку – работа ждёт. Идём по тропинке, сбивая с травы подсыхающую росу. У кузни сидит на брёвнышке Головня. Присаживаюсь рядом, здороваюсь.

– Я уже в овраг сходил – посмотрел, чего ты там наработал. Добро потрудился. Что сегодня делать будем? – в ответ, вместо здравствуй, кузнец вываливает на меня ворох вопросов. Замечаю корзину у него под ногами, завязанную аккуратно тряпицей. Киваю на неё:

– Еда?

– Да, вот набрал немного всего. Ещё что с собой взять нужно?

– Пока не знаю, ты скобы-то сковал?

– Сковал, держи корзину, принесу, пойду, – бурчит мастер.

– И молоток прихвати средний – скобы забивать! – успеваю сказать вслед.

Наконец, добираемся до места, прячем в тенёк корзину и подходим к ямам под стойки. Отсылаю Грома гулять, чтобы не мешал, и начинаю показывать кузнецу план сегодняшних работ.

Радуется, что тому два раза объяснять не нужно – буквально ловит идею на лету, и мы приступаем к работе. Быстро устанавливаем стойки, обвязываем с помощью скоб балками по кругу, и у нас получается на выходе каркас крыши двустороннего навеса.

Хорошо, что вчера заготовил материал – вон как споро сегодня работа идёт. Только про жерди на крышу я совсем забыл, и нам приходится идти в лес на их заготовку. Ещё осталось нарезать камыша на реке и застелить им скаты. Да

перевязать бы его не забыть. Но это уже после обеда.

К вечеру заканчиваем с крышей и присаживаемся в тени отдохнуть.

Вспомнив про вчерашнюю задумку с вершами, начинаю плести первую из заготовленной вчера лозы, продолжая разговор с кузнецом. Что поражает – так это живое въедливое любопытство кузнеца. Расспрашивает меня про скобы, про приготовленную яму, про навес, про печь для обжига.

Пытаюсь полностью удовлетворить его интерес, но это у меня слабо получается, так как на каждый мой ответ у него сразу же возникает новый вопрос. Мне и самому становится интересно с ним разговаривать. Попутно спрашиваю, можно ли нам с Громом сделать себе тут закуток и жить. Не будут ли возражать местные жители, или надо испросить разрешение?

На что получаю ответ, что никакого разрешения не нужно, живи, где хочешь, дело-то твоё.

Кузнец подхватывается и просит меня показать место, где я хочу соорудить себе жильё. Показываю и рассказываю свою идею.

Головня порывается сразу же начать строительство, но я гашу его энтузиазм на корню и прошу начать наполнять яму глиной. Глины нам понадобится много, и нужна она будет уже завтра, максимум, послезавтра.

Доплетаю вершу, делаю всё быстро и поэтому плету не очень аккуратно, лишь бы работала.

На дно бросаю пару камушков и специально оставленный от обеда кусок лепёшки. Отношу в устье ручья и там утапливаю в камышах. Надеюсь, завтра будем с рыбой. Головне моя затея приходится по душе.

Вернувшись, начинаю делать корзину для переноски глины, потому что вижу, как мучается кузнец. Но закончу я её уже только завтра, а сегодня надо успеть сделать основание и каркас.

Всё молоко выпили, кувшин опустел. Поэтому можно в нём теперь принести воду для замачивания глины. Кувшин небольшой, и приходится сделать несколько рейсов.

Теперь бы найти силы и сделать ещё ходку в лес за жердями для моей будущей лубяной избушки, нарезать и замочить в ручье лозу. Завтра буду плести себе ивовый домишко.

Останавливаю Головню, хватит на сегодня – хорошо потрудились.

Не спеша возвращаемся к кузне, по пути рассказываю планы на завтра. Мастер внимательно слушает. Спрашиваю насчёт гвоздей. В ответ получаю недоумение во взгляде и очередной вопрос.

Тут же на ходу придумываю иноземную версию и объясняю, что это такое и что с помощью гвоздей можно делать. Чувствую спинным мозгом, теперь мастер с меня не слезет, пока я ему всё не растолкую о гвоздях. Но мне это и на руку – пригодится.

Чтобы отвлечь его внимание, завожу разговор о печи для

плавки железа и вижу, как Головня спотыкается и останавливается, глядя на меня выпученными глазами.

– О таких вещах, что ты рассказываешь, я первый раз слышу, – выдавливает поражённый до глубины души кузнец. – Мы железо в яме варим, и не один раз его переваривать надо, пока нужную крицу получишь.

Вот теперь я точно попал. Хотя мне это тоже на руку. Главное, заинтересовать человека, подбросить ему нужную идею и подтолкнуть в правильном направлении, а он уже и сам дальше докопается до претворения этой идеи в жизнь. Всё на пользу будет. Вот так вот!

Так, за разговорами, доходим до кузни, хотя можно было бы дойти раза в два быстрее, но у кузнеца слишком много вопросов и отпускать меня ему категорически не хочется.

Заманивает меня к себе в гости якобы на ужин. Я не отказываюсь – во-первых, интересно посмотреть местное жилище изнутри, а во-вторых, нужно расширять знакомство с местными жителями.

Оставляем инструмент в кузне и идём в гости. Предупреждаю мастера о своём непрезентабельном виде, на что получаю понимающую ухмылку и кивок головы.

Ну что сказать – солидный у кузнеца двор. Большой дом. На крыльцо выскакивает малышня и следом появляется хозяйка. Дети облепляют отца, и у меня перехватывает горло – вспомнил свой дом, жена Танюшка – как она там без меня...

Деликатно отворачиваюсь в сторону, чтобы не смущать участников радостной встречи, да и скрыть выступившую предательскую слезу. Как это здорово, когда тебя так ждут дома. Вот поэтому и я всегда торопился вернуться домой, потому что знал – меня там всегда ждут. Расчувствовался, распереживался. Дети, видно, что-то такое проинтуичили, потому что кто-то затеребил меня за штанину. Поворачиваюсь – маленькая белобрысая девчущечка смотрит на меня голубыми глазёнками. Присел, девчушка отскочила и спряталась за ноги отца, выглядывает оттуда одним глазком. Собака моя куда-то запропала – не испугала бы детишек.

– Жена моя, Любавушка, – знакомит меня кузнец с хозяйкой и приглашает в дом.

Кланяюсь Любаве и представляюсь, следом за хозяином прохожу в двери, останавливаюсь на входе и тихо говорю:

– Мир этому дому, здоровья домочадцам и благосостояния.

Похоже, сказал в тему, вижу, как доволен Головня и рада хозяйка.

В доме всё чистенько. Представляю, сколько труда надо, чтобы чистоту поддерживать с такими печками, – это же ужас, сколько копоты летит. Занавесочка перегораживает помещение от печки до стены, наверное, там родители спят. Хозяин зовёт во двор, надо отмыться. Попутно спрашиваю, знакома ли ему известь, и объясняю, что это такое. Оказалось – знакома и знает, где её можно брать. Это уже радует,

можно будет сделать простенький цемент. Надо же на чём-то фундаментную кладку вести. Можно и на глине, конечно, но с цементом всё-таки лучше будет.

За столом вспоминаю, что мне рассказывал Мстиша, и мысленно благодарю богов за сегодняшний удачный для меня день, за посланных мне новых хороших людей, за благоденствие семьи, в чьём доме я сейчас нахожусь. На ужин хозяйка подаёт нам лепёшки с мясом, кашу и компот, не помню, как он тут называется в это время, надо будет позже уточнить. Хотя я уже не в том возрасте, чтобы стесняться по такому поводу, и, немного подумав, хвалю хозяйку за вкусный ужин и спрашиваю, как называется вот этот напиток. Любава слегка краснеет, но, тем не менее, отвечает, что напиток этот может быть сварен из ягод или яблок и называют его узваром, или настоем, если просто настоять на тех же ягодах. Киваю головой, мол, всё понятно.

После ужина выходим во двор, договариваемся о делах на завтра, и я прощаюсь с семьёй кузнеца. За калиткой меня поджидает Гром – охраняет, видимо.

Возвращаюсь на воинский двор. Позади плетётся собыш – набегался, устал.

Выбираю момент и подхожу к десятнику – лучше сразу решить мой давешний вопрос, а то переселюсь завтра в овраг и ничему не научусь.

Изяслав, завидев меня, подзывает Мстишу и что-то начинает ему втолковывать. Тут и я подхожу. Оказывается, стар-

шой просит моего знакомого позаниматься со мной и показать, с какой стороны нужно за меч браться. Обижаться на своё неумение грешно, поэтому слушаю спокойно, да и говорится всё спокойно и вежливо – простая констатация факта. Жду окончания разговора и ставлю в известность десятника о своём переселении на новое место жительства с завтрашнего дня.

На невысказанный, но явно прочитываемый в глазах у обоих вопрос, куда и зачем я переселяюсь, объясняю о скором начале производственной деятельности в лице себя любимого и кузнеца в помощниках. Смотрю, а Изыслав-то аж заёрзал на месте, уж очень ему любопытно стало.

Секретов великих у меня нет, и я приглашаю его к нам в овраг – посмотреть, что и как мы будем делать. Получаю в ответ довольный кивок. А раз так, то никуда Мстиша не денется – будет обучать меня мечному бою. Конечно, хорошо бы было, если бы он сам захотел меня учить, есть у меня задумка, как его заинтересовать, лишь бы заглянул ко мне в овраг вместе с десятником. Но вижу, ему тоже любопытно. Значит, придёт, никуда не денется.

Утром опять вместе со всеми выполняю пробежку и упражнения, моцион и завтрак, но мыслями я уже у себя в овраге и прокручиваю сегодняшний день. После завтрака спешу на свой кирпичный заводик.

Кузница закрыта. Странно, может, кузнец уже меня на месте поджидает? И точно – спускаюсь в овраг и вижу работа-

ющего Головню. Радостно здороваюсь. Яма для глины почти полная. Но всё равно первым делом надо доплести корзину для переноски глины, хотя бы одну для начала, а потом заняться жилищем. Продолжаю доделывать вчерашнюю работу и попутно рассказываю мастеру про обжиг известняка для получения цемента. Оказывается, что-то такое у них применяется в каменном строительстве, но у каждого мастера свои секреты и хранят они их в большой тайне. Прошу пережечь побольше известняка в кузнице и потом перенести сюда. Вспоминаю про соль и масло. Оказывается, соль тут привозная. Привозят или из Литвы, или из Старой Руссы. Масла мало, в основном используют жир. Спрашиваю про котелок и сковородку, мастер обещает мне принести кое-что. Тут же на песке черчу рисунок форм для кирпичей. Мастер кивает понятно и обещает сделать.

Вот и пусть идёт и делает. Договариваюсь подойти к обеду и забрать посуду, соль и жир. Заодно и проконтролирую, что он там нарабатывает.

После ухода кузнеца доплетаю корзину и приступаю к изготовлению своего временного жилища.

Нижние концы жердей поглубже втыкаю в песок, а верхние связываю с каркасом навеса, выгораживая себе небольшой закуток. Прикидываю размеры, чтобы поместился лежак, небольшой столик и печурка. Всё переплетаю лозой и обмазываю изнутри и снаружи глиной. Пусть сохнет, после ещё разок обмажу.

Из тонких брёвнышек, скорее жердей, сооружаю каркас лежака, стягиваю его скобами, перекрываю поперёк чуть более тонкими жердями и так же переплетаю лозой. Вот и получился топчан. Ещё бы что-нибудь вместо матраса и подушки, плюс одеяло – и будет мне счастье. Ничего, лиха беда начало, всё у меня будет!

А пока обойдёмся камышом. Вместо стола на камни устанавливаю кусок бутовой плиты, из тех, что поровнее и побольше. Сразу выкладываю основание печки в углу из того же бута и затираю глиной – пусть сохнет. Теперь по плану мне нужно было наполнить яму глиной, но кузнец с утра уже постарался за меня, и мне остаётся только залить её водой, что я и делаю за несколько ходок. Яма-то маловата получается для моих задумок, надо выкопать ещё одну.

До обеда выкапываю вторую – точно так же по периметру вбиваю жерди и оплетаю лозой, обмазываю глиной. За лозой ещё нужно сходить, пусть запас будет.

Пора идти к кузне, пообедать и забрать посуду. Потом проверить вершу и пожарить рыбки, а может, и ушицы сварить. Если попадётся рыба, конечно. Интересно, что там с формами для кирпичей?

Заглядываю в проём, чтобы меня заметили, и присаживаюсь на бревно у стены. Гром кладёт голову мне на колени и смотрит грустными глазами.

– Что, пёса, и тебе тяжело? Ничего, потерпи, сегодня уже легче будет, спать ляжем в своём домишке, какой-то быт на-

ладим потихоньку и начнём кирпичи лепить. Конечно, придётся помучиться с печью для обжига, да и с самим обжигом повозимся, пока процесс отладим, а вот дальше веселее будет.

Поглаживая руками по большой лобастой голове, шепчу ему в шёлковые уши:

– Сделаем в кузне вытяжку, меха мастеру усовершенствуем, плавильную печь сложим, потом народ сам к нам придёт. Будем мы с тобой в шоколаде. А на зиму нужно будет или избу нам с тобой построить, или перебраться поближе к Изборску и Пскову. Перебраться станем, когда заработаем на переезд и жильё на новом месте. Зиму надо нормально провести, в тепле и сытости. А на весну планов много, если, конечно, всё у меня получится.

Вздыхает собака, внимательно меня слушает, посматривает глаза в глаза, мол, верю тебе, не подведи.

Наконец, появляется кузнец, машет призывно рукой, и я захожу за ним, приоткрыв двери, пусть проветрится хоть немного. Мастер показывает мне получившиеся у него изделия. Успел изготовить две формы, качество хорошее, немного не совпадают по линейным размерам, но ничего страшного, сойдёт, о чём и говорю Головне. Тот кивает с уверенным видом, как будто ничего другого и не могло получиться.

После обеда забираю формы и отношу их под свой навес. Осматриваю плетёные стены своего жилища, глина подсохла, и я обмазываю их ещё раз, стараясь сделать слой глины

толще. Вместо двери у меня будет такая же плетёнка из лозы, но плотнее. Просто привязываю её к боковой жерди дверного проёма кольцами из лозы. Темновато, но мне хорошо, и книги я тут читать не собираюсь. А для ночёвки самое то.

Для пробы делаю несколько кирпичей с помощью новых форм – надо же их опробовать.

Глиняная масса снимается с них легко, что меня очень радует. А то я опасался, что будет заминаться, так как формы всё-таки кованые, а не прокатные. Сразу возник вопрос с доставкой глины от ямы до навеса, где будет формироваться кирпич. Придётся обходиться корзинами, на первое время их должно хватить, а там посмотрим.

Вместо перекура иду на берег проверить улов. Рыбы тут много, даже не просто много, а очень много. Из верши вытряхиваю на берег килограммов двадцать. Как она мне только вершу не разломала? Гром скачет вокруг сверкающей и бьющейся кучи, бьёт лапой прыгающих рыб – охотник.

Не подумал я, что улов будет таким большим, даже корзину не взял, теперь придётся возвращаться в лагерь. Забрасываю рыбу в вершу и собираюсь опустить в воду, но вовремя останавливаюсь, припомнив недавнюю практику – так вот же она, корзина... Вот что бывает, когда голова о высоком мыслит.

С чувством гордости за свою соображалку несу богатый улов домой.

Всю рыбу чищу в ручье чуть ниже по течению. Делаю себе

зарубку в голове – в следующий раз рыбу надо будет прямо там, на речке, чистить, нечего тут антисанитарию разводить и приманивать всякую живность. Опять же, пока мы с кузнецом напарники, мне нужно этим воспользоваться по максимуму, нужен нож для охоты и рыбалки, ещё кадка для засолки рыбы. Поскольку я буду теперь жить отдельно от всех, мне нужно какое-то оружие. Придёт – подумаем, посоветуемся. Не забыть спросить насчёт верёвок, рыбу вялить. Можно, конечно, для этого и тонкую лозу использовать, но... а вдруг повезёт?

Развожу костёр в стороне от навеса, вбиваю пару рогулек и вешаю котёл на огонь. Надо принести дров, а то на остатках жердей и лозы долго не продержусь. Благо сушняка тут на берегу пока ещё хватает. Закипает вода, кидаю лист черемши и подсаливаю. Аккуратно закладываю мелкую рыбу. Не переложить бы, а то выплеснется, когда закипит. Переवेशу чуть-чуть в сторону, подальше от греха. Вот так хорошо будет, пусть медленно кипит. Вылавливаю ложкой рыбу на лопух и сразу же закладываю вторую порцию, пусть навар будет. В основном в вершу попалась разная белорыбица, за исключением пары шальных окушков. Интересно, а если попробовать в реке на блесну половить? Какие тут монстры ловятся? Налажу дело и попробую. В третий раз в дело идёт рыба крупнее, предварительно разрезанная на куски. Ещё чуть соли и ждём. Глаза побелели, минута и можно котёл снимать – пусть настаивается. Мелочь остыла и отдаю её Грому, бу-

дет собаке счастье.

Вспомнилось Приморье. Как-то мы с Серёгой Бондарем, дружкой моим закадычным, поехали на рыбалку, на речку Даубихе за пеструшкой. Было нам по шестнадцать, Серёге, правда, на полгода больше. Я только права на мотоцикл получил, а мотик мне мой дядька подарил, «Восход первый», их ещё «ковровцами» называли. Забрались далеко, как только смогли, а как далеко забраться могут два, чокнутых на тайге и рыбалке пацана, можно себе представить. Когда уже даже тропы не стало, замаскировали свой транспорт и ещё километров пять пробирались дальше в верховья. Обловились мы тогда знатно, а когда вернулись под вечер к своему двухколёсному другу, оказалось, что силы все кончились и удержать своего железного коня на узкой извилистой тропе никак не получается. После очередного падения на бок, мы плюнули на это безнадежное дело, посмеялись над собой и тут же в кустах сварили себе уху из пойманной рыбы. Много лет прошло с тех пор, давно похоронили друга моего, ухи я переел столько, что не описать, но никогда больше ни ел такой сладкой, жирной, не совру, если скажу, что ложка стояла, и вкусной ушицы. Доехали до дома мы после этого нормально... Чего только не было в юности пацанской!

Пока я предавался воспоминаниям, уха остыла и подёрнулась перламутровой плёнкой жира. Это вещь, это то, что надо! Достаю из котла несколько кусков рыбы, выкладываю на лопух и наливаю через край в миску юшки. Вот это запах

– с ног валит!

Так и сижу, перебираю рыбу от костей и запиваю через край из миски. Ну её, эту ложку, так вкуснее. Специй, конечно, не хватает, всякой там лаврушечки с перчиком, но и так выше всяких похвал. Собака, вон, за милую душу всё подбрала, теперь лежит, щурится довольно. А специи, насколько я помню, в это время были на вес золота, а может, и гораздо дороже.

Как раз к ужину подошёл Головня, видимо, навёлся на запах. Миска всего одна, приходится ему возвращаться за посудой в кузню, заодно прошу прихватить тонкую верёвку, если есть.

Возвращается очень быстро, проголодался, похоже. Принёс моток тонкого шпагата, сунул мне в руки и быстрее к котлу. Наливаю себе добавки, всё-таки проголодался, и сижу, просто наслаждаюсь.

Кузнец быстро выхлёбывает ушицу и протягивает мне миску с просьбой подлить ещё. Подливаю, мне ближе. Потом сидим, отдуваемся. Хорошо!

Сегодня вечер встреч. На спуске зашуршал осыпающимся песком Мстиша, подошёл, поздоровался, втянул носом запах и попросил налить и ему миску, если можно. Мне не жалко, налил и ему.

Дохлабав, ополаскиваем посуду. Планируем завтрашний день, прошу мастера приготовить на завтра кусочек проволоки для насаживания рыбы на верёвку, буду вялить. Ну и

хлеба побольше, лука и соли. Черемша хорошо, но лук лучше. Утром зайду в кузню и заберу. А так пусть приходит, когда освободится. Прощаемся, и кузнец уходит домой.

Поворачиваюсь к Мстише и говорю:

– С сегодняшнего дня буду жить тут. Всё-таки надо присматривать за хозяйством. – Обвожу рукой вокруг.

– Подумали мы с Изяславом, надо тебя всё-таки попробовать научить владеть мечом. Больших успехов ты вряд ли добьёшься, но хоть себя защитить сможешь, если на опытного воина не попадёшь. Вот их тебе опасаться придётся. Согласен ли ты науке воинской учиться?

– Я согласен, только, видишь, хозяйство у меня теперь какое. Оставить его не могу, а ну как случится что? – Решаю идти до конца, нагнеть, так нагнеть. – Вот если бы ты меня на этом месте учил?

– Можно и на этом, – соглашается боец. – Только десятника предупрежу, и будем по вечерам заниматься с тобой. Согласен?

– Согласен. – Киваю в ответ.

– Тогда завтра вечером приду. – Прощается Мстиша.

Остаёмся с Громом одни, дел ещё хватает – поставить вершу на ночь, засолить оставшуюся рыбу в освободившемся котле и только потом можно спать. Пора опробовать новое место. В качестве приманки в верше пойдут остатки ужина. Наутро нужно только несколько кусков варёной рыбы в миску спрятать и другой миской накрыть, камнем сверху при-

жать от мышей. Поставив вершу, чищу котёл, закладывая рыбу, пересыпая остатками соли. Маловато, но что делать, когда сюда добирался, и столько у меня не было. Надо будет ещё и коптильню соорудить.

Закрываю котёл корзиной, иду в свою каморку – пора спать. Громчик заскакивает следом, даже не успеваю закрыть дверку. Пускай. Укладываюсь, шуршит камыш, хорошо-то как...

Глава 4. Нежданные гости. Первый бой и первые трофеи. Пора вооружаться...

Утром быстро завтракаем, Гром лениво перебирает лапами и идёт на солнышко досыпать, а я первым делом проверяю, как подсохли вчерашние кирпичи. Результат радует, можно начинать формировать следующую партию, чем и занимаюсь.

Головня приносит второй завтрак, молоко мы с Громчиком делим, а хлеб и пирог откладываем в корзину – от мышей. Радуюсь принесённому жиру, можно будет рыбу пожарить. Показываю, как формировать кирпич, и кузнец продолжает работать. А мне бы надо сплести ещё корзину, да не одну.

Режу лозу и притапливаю в ручье, пусть отмокает. Наполняю глиной вторую яму, заливаю водой. Дело движется к обеду, и у нас первая яма уже пуста, зато под навесом радует глаз чуть больше сотни пока ещё сырых кирпичиков. Мастер уходит в кузню, а я иду на реку за свежей рыбой, абсолютно не сомневаясь в улове. Сразу же на берегу чищу улов прихваченным с собой ножом. Вершу в воду, рыбу в корзину – и в лагерь. Очень хочется жареной рыбки, и я, глотая слюни, пережариваю почти весь улов.

После обеда заполняю глиной освободившуюся яму, те-

перь остаётся только ждать, пока она размокнет.

Чтобы Гром не забрёл на подсыхающие кирпичи, делаю невысокие боковые стенки у навеса. Пока возился с ними, в голову пришла мысль, что надо бы отнести напарнику жарёхи, накладываю в корзину завернутое в лопухи угощение, зову собаку и поднимаюсь вверх по тропе уже привычным маршрутом. Отвлекать от работы мастера не хочу, оставляю корзину на бревне и возвращаюсь назад, мне ещё корзины плести.

Ближе к вечеру вывешиваю просолившуюся рыбу под навесом – пусть вялится. Тузлук сливаю в одну из мисок – пригодится. А в освободившемся котле опять варю ушицу.

Скоро должен подойти мой наставник по воинскому делу, жду его с нетерпением.

Но первым на спуске появляется кузнец и приносит пустую корзину, благодарит за угощение. Спрашиваю, когда будет известь, и прошу мастера зайти к гончару и набрать у него брака из обожжённой глины. Объясняю, для чего это нужно и что ему с этим боем нужно будет сделать. Напекаю, что соль у меня закончилась. Опять остаюсь один и продолжаю плести корзины.

Наконец, мои ожидания закончились, приходит мой учитель и с ходу начинает гонять меня, аки сидорову козу. Вопреки своим, да и учителя, ожиданиям, заданную нагрузку выдерживаю с лёгкостью, только гибкости не хватает, необходимо растянуть связки. Берёмся за принесённые настав-

ником деревянные мечи, и Мстиша показывает мне азы. До ужина повторяю показанные движения. Даже не отрабатываю, до отработки ещё далеко, а просто пытаюсь правильно повторить. Дружинник морщится, но поправляет мои движения. А казалось, всё будет так просто, надеялся, что слёту смогу железками махать.

После урока ополаскиваюсь в ручье и приглашаю своего учителя к столу. Пусть столом служит трава у костра, дело-то не в этом, дело в уважении. Опять остаюсь один, убираюсь, прячу оставшуюся еду в корзину, подвешиваю на крючок из проволоки под навес и отправляюсь спать. Ещё успевает проскользнуть мысль, что завтра нужно не забыть загнать Грома в речку, пусть поплавает, а то запах от него...

Утром вскакиваю, как молодой, ничего не болит, настроение – плясать хочется, на улице сияет яркое солнце, птицы щебечут, ручей звонко поёт свою весёлую песенку. Бегу на реку, купаюсь и загоняю собаку в воду, пусть хорошо поплавает. После завтрака забираюсь в яму и ногами размешиваю глину. Ещё не готова, ждём. Смотрю, как там мои кирпичи, всё ли в порядке? Придётся первую печь из сырца класть, сделаю её поменьше, потом переделаю на нормальную.

До обеда усиленно тренируюсь с деревянным мечом и чередую с упражнениями на растяжку.

Головня опять приносит пару горшков с парующей снедью. Подкрепившись, провожаю его до кузни и забираю пережжённую известь и размолотую в пыль керамику. Спра-

шиваю, хватает ли ему железа, может нужно ещё прикупить или сходить за ним? Кузнец отрицательно машет головой, и я озадачиваю его изготовлением для меня пары метательных ножей. Рисую ему чертёжик на том же бревне стены и тут же его поясняю. Обещает сделать к ужину.

Глина дошла, и после обеда занимаюсь формовкой. Первую партию переворачиваю осторожно – пусть досыхает. В перерыве из камней на ручье выкладываю небольшую запруду, потому что надоело бегать купаться на речку. Всю рыбу засаливаю в тузлуке, верша исправно поставляет стабильный улов. Пришлось взять у Головни ещё один котёл.

Вместо израсходованной глины закладываю очередную партию, пусть мокнет.

Закрутился совсем и не заметил, как вечер наступил, если бы не пришедшие Головня и Мстиша, так бы и продолжал суетиться по хозяйству. Ужинаем, и кузнец показывает мне сделанные ножи.

Получилось отлично, даже Мстише понравилось. Ещё бы, модель будущего. Как бы сомневаясь, говорить или нет, мнётся дружинник и, наконец, намекает, что нам надобно быть осторожней.

Дальний дозор обнаружил следы малого отряда – может ливы, может летты. Да мало ли кто забрести может.

До самой темноты Мстиша заставляет меня повторять упражнения и показанные вчера связки ударов.

– Если что, сразу же прячьтесь в городище или уходите

подальше в лес. – И на прощание оставляет мне железный меч. – Может, пригодится.

Нагнав на меня жути, уходит. Обдумав услышанное, решаю подстраховаться. Костёр разжигать не буду, да и ночевать лучше не здесь, а за ручьём, в ивняке. Через камыш я свой лагерь буду видеть, а вот меня из него никто и не увидит. Сказано – сделано. Пока ещё что-то можно разглядеть, выкапываю себе неглубокий окопчик на противоположном берегу и над ним сооружаю маленький, низкий шалашик – лишь бы нам с Громом поместиться, и тщательно маскирую его травой и ветками. Внутри всё застилаю травой до самого верха и залезаю на эту кучу, чуть поёрзать и образуется тёплая и мягкая подстилка. Зову собакина, закрываю вход ветками – можно спать.

Ночь была тяжёлой, всё время ворочался – спать не давал ни себе, ни собаке. Утром даже не стал сразу вылезать из своего шалашика, решил полежать подольше.

Насторожился Гром, и я увидел, как к лагерю спускается Ждан. Вылез и пошёл его встречать.

Свежие новости настроения не прибавляют – почти вся дружина ушла гонять пришлых, и мне тут надо быть осторожнее. Кузнеца сегодня не будет, тот решил отсидеться за оградой. Предлагает и мне перебраться туда же, но я отказываюсь. Если будет реальная опасность, меня предупредит собака, и я успею уйти или спрятаться.

Ждан, осуждающе покачав головой, уходит, а я перебира-

юсь назад через ручей – надо при дневном свете поправить маскировку моего нового убежища. Выкопанную вчера землю убрать. Хоть и отбрасывал грунт аккуратно назад, но при желании его можно увидеть. Ни к чему чужое внимание привлекать.

На всякий случай вырезаю себе несколько жердин поровнее из орешника и затачиваю – пусть будет пара копий.

Если удачно попасть, мало никому не покажется. Надо было у кузнеца наконечники попросить, голова моя садовая. Вроде бы ничего и не делаю, а всяких мелких делишек хватает. Перекусываю остатками вчерашнего ужина. Всё оставшееся до вечера время посвящаю тренировкам, сначала растяжка, потом меч, и на десерт – начинаю вспоминать, как кидать ножи. Когда-то у меня неплохо получалось, штык-нож от АКМ метров с десяти мог в тетрадный лист вогнать.

Если сейчас всё спокойно пройдёт, обязательно закажу у Головни пару малых арбалетов. Лишь бы кожаный доспех пробивали.

Так ножи и пробросал до самой ночи, восстанавливая навыки. Костёр опять решил не разжигать, снял несколько подвялившихся рыбин с верёвки и покормил собаку, ну и сам парочку съел.

На ночь опять забрался в свой «окоп». На удивление, спал без задних ног – то ли устал, то ли уже перегорел. Под самое утро завозился Гром и разбудил меня. Поднял башку и уши насторожил. Тихо опустил руку ему на холку, прижал.

– Спокойно. Лежим, не дёргаемся, ждём.

Пёса коротко на меня глянул и опять на противоположный берег уставился через прорехи шалашика. Уши насто-рожённые, носом водит – чужие.

Чуть раздвинул ветки, буквально на полпальца – туман-то какой, еле-еле берег через ручей просматривается.

Ага, пошло движение. Пара смутных фигур нарисовалась у навеса, переговариваются между собой. Бормочут что-то. Не слышно ничего за журчанием воды.

Ничего не боятся разбойники. Ну-ну. Вроде больше ни-кого поблизости нет. Грозным шёпотом приказываю Грому лежать на месте и выскальзываю из своего окопа. Доползаю до ручья, ввинчиваюсь в камыши и перетекаю на ту сторону. Холодно и сыро, да деваться мне некуда.

Увлечлись граждане бандиты – рассматривают моё соору-жение и мою же рыбу трескают. Стоят отлично, спиной ко мне, взмахиваю дважды рукой, и оба, захрипев, опускаются на землю. Вскакиваю, в правой – меч, левой – подхватываю деревянное копьёцо и в два прыжка подлетаю к ним. Вот что вам стоило назад упасть, а не вперёд? Помяли мне несколько кирпичных заготовок.

Один – готов. Второй ещё жив, скребёт руками по земле – клинок вошёл под правое плечо, чуть выше лопатки. А метил-то я в шею. Отбрасываю его оружие в сторону и выдёргиваю из тела свой нож. За шиворот тащу сомлевшего ране-ного через ручей и прячу в камышах – пусть хоть немного

прикроет, мало ли что. Быстро связываю ему руки и ноги – полежи пока тут. Зову Грома, пусть сторожит. Бегом возвращаюсь назад, выдёргиваю нож из убитого – хорошо вошёл, чётко между лопаток. Второго так же тащу через ручей и укладываю рядом с первым. Пришло время и поговорить с пленным. Пока ещё на адреналине, привожу пленника в чувство, особо не церемонясь, и выспрашиваю о количестве бандитов и их планах. Опять отмечаю, что и этот язык мне знаком, и я свободно могу на нём говорить.

Мой пленник, видимо впечатлённый огромной мордой собаки, нависающей над ним, споро рассказывает мне, что отряд, перейдя реку, разделился на две группы. Их группа – из четырнадцати человек – направилась сюда. Видели, что дружина почти вся ушла и в городище воинов мало, вот и решились напасть. Эта пара зашла с моей стороны, ещё двое обойдут поселение с севера – нападут, как только будут готовы. Остальные полезут через стены.

Быстро соображаю – у меня в запасе минут пять, десять осталось. Сомнений нет, надо своим помочь. Оставляю Грома сторожить пленника, проверяю трофейное оружие. Досталось мне два меча, два простых лука с запасом стрел, ножи и копья. Ну и какая-то одежда с бронькой. Пока не до неё, подбираю копья получше и осторожно, прислушиваясь, пробираюсь к кузне. Туман всё такой же густой и ориентироваться приходится на слух. Ощущение, будто плывёшь по воде.

Страшно-то как, на ручье так страшно не было. Наверное, из-за того, что не видно ничего. Что впереди, непонятно – может, я уже в самую середину вражеской ватаги прокрался.

Зажимаю себя в кулак и пробираюсь дальше. Вот и кузня. Тут всё тихо, сюда ещё не добрались, да уже и не доберутся, некому потому что. Что-то услышал впереди, наверное потому что хотел услышать и слишком весь на нервах был. Расстояние пока не определить, далеко или близко, туман всё скрадывает. Но звуки в тумане разносятся хорошо. Надо поближе подойти и выждать, когда они на атаку решатся. Тогда и ударить с тыла. Лишь бы под свои стрелы не попасть. Будем смотреть и без нужды не рисковать. Хотя первые несколько минут стрел можно не опасаться, да и потом, думаю, уже не до стрел будет. Осторожно подползаю, вот и враг показался, пересчитываю – все десять в одной группе. Им тоже очень страшно, поэтому и держатся толпой. Но мне это и на руку. Как побегут, побегу и я, а там по ходу пьесы и будем действовать. Но вот бежать-то они и не собираются, крадутся потихоньку к стенам, лесины тащат. А наши пока молчат, не слышат, видимо.

И что делать? Если ждать пока на приступ пойдут и тогда напасть, то убью одного, если повезёт, то второго, а остальные ворвутся в крепость и успеют дел натворить. А если напасть сейчас и тревогу поднять, тоже могу снять одного-двух, остальные же меня, как зайца загоняют. А с луками даже и бегать за мной не станут. Вот и ворота показали –

закрытые, хоть это хорошо. Ещё можно чуть ближе подойти. Хорошо мне в резиновых галошах – тихо крадусь. Готовлю ножи и копьё, выбираю себе цели, лучше лучников, но они тут все с луками. А нет, не все, шестеро с лесинами крадутся, трое сзади идут с луками, четвёртого не вижу. Пора. Кидаю ножи, быстро, один за другим, не думая. Задумаешься, точно промахнёшься. Перехватываю копьё и бросаю в третьего. Попал или нет – не вижу, потому что отпрыгиваю сразу же назад за кромку тумана и в сторону, падаю на землю. Ещё и отползаю немного. Оказалось, вовремя – в стороне мерзко прошелестели стрелы. Стреляйте, стреляйте, внезапного нападения уже не получится – видать, сильно кого-то зацепил, слышна ругань и крики. А отступить они куда будут, ударяет мысль – только назад, а тут я, весь из себя такой мягкий и неопытный. И из оружия у меня только меч, с которым я пока даже не на вы.

Ещё не успеваю додумать эту мысль, а тело уже само начинает действовать. Ужом или, скорее, мышом проскальзываю вокруг паникующих и прокрадываюсь к стене чуть правее ворот. К воротам нельзя, да и к стенам близко тоже, ещё подстрелят, доказывай потом, что свой. Так сбоку и высматриваю, что там дальше будет. На стенах народ забегал, ищу знакомых, наконец, вижу Ждана. Не высовываясь, окликаю его. Опознаёмся, и я предупреждаю о ещё двух нападающих с тыла.

Меня спрашивают, где враг. Отвечаю честно, что уже не

знаю, отступили, а куда отступили – не видел. Советуют укрыться где-нибудь, потому что всё равно ворота открывать не будут, пока не прояснится. Но туман редееет. Договариваемся, что по мне не будут стрелять – нужно забрать своё оружие. Без него как-то боязно. Встаю на ноги, под прицелом со стены пробираюсь к месту недавней скоротечной схватки, между лопаток стекает струйка пота, всё же страшно – вдруг у кого-то рука дрогнет. В траве лежат два тела. Одно с ножом в спине, другое – копьём пробито, третий или ранен, или я промахнулся. Хотя вряд ли. Будем считать, что ранен. Забираю свой нож. Копьё вытаскивать не стал, пусть торчит, потом заберу. Подобрал вместо него два других, пусть будет замена второму ножу. Вот их, кстати, если выживу, закажу с запасом, штук восемь – пусть будут. Вон, как хорошо получилось. Подхожу под стену, рассказываю, что и как было. Надо возвращаться назад, страшно, но надо.

Начинает проглядывать солнце, его бледный круг просвечивает через редяющий на глазах туман, и значит, скоро будет чисто.

Имеет смысл подождать несколько минут. Да и очень уж неохота отходить от стен, теперь и мне могут устроить западню, если пойду наугад. Противник-то уже настороже.

Минут через пятнадцать туман окончательно рассеивается. Вокруг никого, только через поле тёмный след по росе виден. Уже легче, но преследовать всё равно не буду, выстрелят из лука и всё – кончилось моё попаданство. Да на это

есть специально назначенные люди, вон они – поглядывают из-за стен.

Начинает мучить жажда, и я прошу опустить мне на верёвке что-нибудь попить. Народ начинает зубоскалить, им-то что, они тут люди закалённые, ко всему привычные, а у меня сегодня первые, мной лично израсходованные. Хотя никаких особенных переживаний нет, единственное – за Грома волнуюсь. Наконец, опускают мне корзинку, в которую чья-то сердобольная душа положила лепёшку и кувшин молока.

Благодарю и пропадаю для этого мира на пять минут, пока не закончилось молоко.

Сидеть надоело, вокруг тихо, встаю на ноги. Хочешь, не хочешь, а идти надо. Там моя собака. Шагаю в свой лагерь, голова крутится как локатор, на триста шестьдесят градусов. От кузни зову Грома, и тот вскоре приносится, радостно скуля и прыгая вокруг меня. Сажусь на своё, уже законное место на бревне и обнимаю собаку. Вытираю локтем обслюнявленную физиономию. Спрашиваю, есть ли чужие? Собака, конечно же, отвечает мне, что всё вокруг в полном порядке, и мне так хочется ей поверить. Но всё-таки придётся вернуться в поселение – лучше там подождать остальную дружину, да и так проще будет. Самое главное, пёса мой живой. А мародёрку – на потом оставляю. В лагере, правда, ещё пленник лежит, и я его даже не перевязал, но мне как-то наплевать, жив он останется или помрёт, а может, развяжется и сбежит.

Апатия накатила. Мне бы в крепость, накатить граммов двести чего покрепче и спать завалиться.

В поселение приходится залезать через ограду. Грома поднимают на полотнище. Вокруг что-то кто-то лопочет, но я никого и ничего не слышу, не помню, как добираюсь до воинской избы и заваливаюсь на лавку.

Просыпаюсь от настойчивого торможения. Открываю глаза – Изяслав. Приходится вставать. Вокруг дружинники. Пришла пора получать плюшки. Народ радуется, у меня от дружеских похлопываний болят плечи и спина. Вечером будет праздник в мою честь, благодаря мне обошлись без потерь, а дружина пробежала вхолостую и никого не видела. Всё оружие, доспехи собрали, отчистили и отнесли в мой лагерь. Одежку обещали отстирать женщины, и после этого тоже принесут мне. Ну, хоть теперь есть во что одеться. Сразу благодарю за воинскую науку.

Так, плотной толпой, выходим во двор. Смотрю – про Грома тоже не забыли – полная миска чего-то мясного и огромный мосол, каковой он старательно гложет.

Подходит Головня, молча пожимает руку, над калиткой ещё головы торчат. Даже застеснялся, не думал, что благодарить будут, да и не ожидал. Просто делал то, что считал нужным. Надо бы к ручью сходить, посмотреть, что там целым осталось. А то, чувствую, там стадо слонов прошло, наверное, все там побывали.

Задаю вопрос об остатках напавших. Оказывается, пока

я спал, подошёл Изяслав со своим десятком, и они гнались по их следам до самой границы, но никого так и не увидели, не смогли догнать. Это же сколько я проспал? Оказывается, спал сутки и ещё день. Сейчас вечер второго дня. Однако.

В лагере всё чистенько, ничего не разорено, только пропала вся моя рыба. Ничего, это дело поправимое. Кирпич зато просох за это время. Налеплена ещё хорошая партия сырца и ямы заполнены – похоже, Головня постарался.

Он так за мной хвостом и ходит, видать, сильно переживал за свою семью, а тут я, спаситель, весь из себя такой. Хвалю его за проделанную работу и заказываю ещё ножей – очень мне эффект от их применения понравился.

Прошу подобрать мне перевязь для них, ведь наверняка есть тут какой-нибудь кожевник.

Жаль, что денег с моих трофеев набрали совсем мало.

Кстати, пленник мой выжил и теперь сидит в порубе, но это уже не моё дело.

Отправляю кузнеца по делам и залезаю отмокать в ручей.

Утром наконец-то просыпаюсь в своём доме – вчера попиروвали знатно. Было пиво, что-то вроде медовой браги, много мяса, рыбы, пирогов и салатиков – не знаю, как они называются, но вкусные. Напиться не напился, но было весело. Голова вроде бы ещё соображала, а вот с ногами явно не дружила. Мстиша обещался сделать из меня доброго бойца, вот и пусть делает, очень мне не понравилось мое неумение владеть мечом, особенно когда остался без ножей и копья.

Даже в голову не пришло за железку схватиться. Так, болтается что-то на боку для красоты и ладно.

Помню, что собирали мне полную корзину еды с собой, осматриваюсь и нахожу её подвешенной на уже привычном месте под потолком. Можно позавтракать, и после этого займусь разборкой трофеев. Патологий нет – натурпродукт.

Перебрав всё, что мне досталось, прихожу к выводу оставить себе пару сапог поновее и куртку из тех, что покрепче и менее истёртую.

Только сниму все бляшки с неё и закажу в кузне новые, будет порядочная бронь. Все мечи и копья с ножами тоже отдам Головне, будем переделывать. Вот и он, лёгок на помине – принёс мне новые ножи. Быстро. Приглашаю присесть и рассказываю о своих мыслях. Забрать и перековать железо мастер согласен. С куртками же предлагает сделать по-другому – две куртки поменять у скорняка на новую для меня. Сделают так, как мне нужно. А другие две он и сам с удовольствием заберёт, самому пригодятся.

Осматриваю ножи и перевязь под них – сделано на совесть, красиво и мне нравится. Подумав, соглашаюсь на вариант с обменом.

А сейчас предлагаю начать строительство печи для обжига. Рассказываю и показываю все этапы новой для кузнеца работы. Выводим вдвоём пять рядков и на сегодня этого хватит.

На прощание опять прошу бечевы и проволоки, так как

моя вся пропала вместе с рыбой, и ещё несколько горшков. Пробую отдать деньги на горшки, но с этой затеей ничего не выходит. Головня наотрез отказывается от денег. Увязывает всё железо в куртки и уходит, бурча недовольно. Успеваю ещё крикнуть, чтобы захватил молочка. Обиженный кузнец только рукой махнул.

Вечером появляется целая делегация во главе с десятником. Приносят мне отстиранную и заштопанную одежду. Но я же вижу, что привело их сюда простое любопытство, и мне приходится всё показывать и рассказывать – даже язык намозолил. Пользуясь случаем, отдаю все луки и стрелы. Теперь понимаю кузнеца – Изяслав так же пытается вручить мне за них деньги. Отговариваюсь тем, что Мстиша меня учит за бесплатно, и намекаю, что деньги ему ещё понадобятся, чтобы со мной за новую печку рассчитаться. Десятник весело хохочет, и мы договариваемся о работе и оплате, что для меня гораздо важнее.

Наконец, все расходятся, и Мстиша устраивает мне выматывающую тренировку, которую заканчиваю метанием ножей и прошу показать несколько приёмов работы с копьём. Ужинаем, и я остаюсь один. Хотя почему один, вон Гром спит. Он целыми днями спит, такое ощущение, что у меня и собаки нет. Хотя при этой заварушке показал себя очень хорошо – не лез, куда не просят, и слушался прекрасно.

Перед сном ещё успеваю сходить за ручей и убрать со своего временного укрытия все ветки и траву, нечего демас-

кировать сухостоем прекрасную запасную позицию. Кстати, может, лучше задерновать? Нет, пожалуй, это лишнее – мне тут не жить, скоро уйду всё равно.

За несколько дней вывели печь – теперь стоит, просыхает, завтра будем начинать прогревать понемногу. Сложил и себе небольшую печурку, потратив около двух десятков кирпичей, вывел трубу. Головня сделал мне плиту по моим объяснениям. Теперь я могу на ней даже вскипятить котелок, нажарить рыбы, да всё могу приготовить. Показал ему, как сделать заслонку, мастер сковал через день, и, по-моему, он до сих пор ходит в ступоре. Озадачил его чертёжиком вытяжки для его кузни, теперь куёт детали для неё. Плотнику заказали деревянные части мехов, ждём, когда будут готовы. Кожу пообещал скорняк.

Посмотреть мою печурку пришло всё поселение, некоторые приходили не по одному разу. От детей вообще отбоя нет. Гром поначалу с ума сходил от такого столпотворения, теперь привык.

Дел сделано очень много, но осталось сделать ещё больше, времени просто не хватает. Головня обещался подобрать несколько парней нам в помощь, заполнять ямы и месить глину. Мол, будем им класть печи в первую очередь и со скидкой. Но чувствую, так они тут с нами и останутся. Потом научу самого толкового формовать кирпичи, и будем расширять своё производство, потому что уже сейчас наших возможностей мало.

Озадачил Изяслава, пусть разбирают в доме свою печку, место надо освободить. На всё про всё есть недели две.

Из первой партии после обжига получилось около половины отличного кирпича, остальное ушло в брак. Хотя брак относительный, думаю, из него бóльшая часть всё равно пойдёт в дело. Появилась очередная проблема, про которую я абсолютно забыл. Это – проблема с топливом. Но тут обещал помочь Изяслав. Напилят на дрова деревья, оставшиеся от корчёвки леса под посевы. Так как почти все заинтересованы в моём деле, то и дрова обещали вскорости начать подвозить.

Опробовал свою цементную смесь – после полного высыхания пара кирпичей, положенных в воду, остались склеенными, что очень радует. Плохо только, что известь возят из-под Плескова, она тут редкость, своих месторождений нет, а из пережигания бута ничего не вышло.

Совсем забыл, мне удалась цементация в древесном угле моих ножей. Делал всё в кузне под чутким присмотром мастера. Вначале был нещадно подвёргнут насмешкам и подколам, но через день процесс завершился полным моим триумфом, и кузнец за этот секрет обещался взять меня в половинную долю за всю сделанную по-новому работу. Это я ему ещё малый арбалет не рисовал. Представляю, что с ним после этого будет.

Наконец-то мне скроили и сшили новую куртку – пока повесил её в своей каморке. Как-нибудь выберу момент и раз-

рисую так, как нужно будет прикрепить на ней железные пластины.

Пришли двое парнишек, старательно перенимают науку, кузнец для них превыше всего, после меня, конечно. Но у меня весь упор ставится на то, что Головня остаётся начальником после моего отъезда. Радует, что процесс налаживается, процент брака уменьшается, хотя брак в нынешних условиях понятие относительное – всё идёт в дело. Нужно начинать закладывать вторую печь для обжига, побольше первой – надо ускорять производство.

В кузне сделали капитальную перестановку, мастер, наконец-то, доделал вытяжку с шибером. Выложили новый горн с нижним поддувом, подсоединили меха. Теперь кузнеца вечером жена приходит забирать, сам он готов тут дневать и ночевать. Ничего, скоро привыкнет.

Увидев мои ножи, Мстиша выпросил один показать Изяславу, и теперь у всего десятка такие же.

Селяне тоже не отстают, и заказов у кузнеца хватает, надо будет ему подсказать таким же образом остальные инструменты делать. Хоть тут всё же больше присутствует натуральный обмен, но и деньги иногда перепадают. Мою половину финансов попросил мастера держать у себя, мне-то некуда положить.

Каждый вечер продолжаю тренировки, и потихоньку начинает что-то получаться. Правда, Мстиша смеётся и говорит, что мне и от курёнка не отбиться, но я и сам вижу свои

успехи с мечом.

Но для меня он всё-таки тяжеловат, воин начинает с раннего детства упражняться, а мне так быстро мышцы не разработать, хотя грех жаловаться, бегаю как молодой, сил и здоровья немеряно, восемь кирпичей вверх по склону оврага бегом поднимаю и хоть бы хны. Но всё равно не успеваю за Мстишей, у него клинок как бабочка порхает. Зато в метании ножей мне равных нет. Хоть полчаса, но выкраиваю в конце тренировки для этих упражнений.

Наконец, делаем необходимое количество кирпичей, и я приступаю к кладке обогревательной печи в воинской избе. Подробно показываю своему напарнику все этапы кладки и приёмы обработки кирпича, объясняю, как и куда пойдёт тяга, что такое колено, как грамотно сделать прочистку. Головня отковывает нужные элементы, и мы их устанавливаем. Тут же объясняю ему, что без работы он не останется, так как печное железо придётся менять периодически, да и печи требуют постоянного присмотра. На эту печь у нас уходит полторы недели.

После контрольной топки проверяем тягу, работу шиберов, и мастер торжественно водружает оголовник на трубу.

Если бы кто знал, как я волновался. Всё-таки первая моя печь в этом мире, сделанная с нуля. Дальше будет гораздо легче, производство кирпича налажено, результат появился – уже очередь образовалась. Правда, трактирщик пока не появлялся – выжидает, хитрюга, но тем дороже ему в итоге

обойдётся печь. Никуда он не денется, а у меня огромная тяжесть упала с плеч. Теперь я уверен, что не пропаду.

Ещё через недельку и в доме кузнеца появилась новая печь. Теперь Любава ходит с гордо поднятой головой, потому как сложили её отопительно-варочной, со щитом и духовкой. Правда, плита на одну конфорку, но ведь работает.

На крыше вокруг трубы сделали фартук от воды, а когда подошла очередь устанавливать оголовник, то вспомнил, как его можно украсить. Подсказал хозяину, и теперь над трубой крутится флюгерок с петушком.

Сидели вечером в гостях у кузнеца, и зашёл разговор о моём осеннем путешествии. Сначала начали меня вдвоём отговаривать – мол, что там делать, чужие люди, а тут уже все свои. Но на мои слова о новых возможностях, о планах заложить верфь и построить новую ладью, способную выходить в Варяжское море, о заморских странах и новых торговых путях, о большом кирпичном цехе, о новом оружии замолчали и крепко задумались. Да ещё и напомнил о давешнем нападении. А сколько их было, таких нападений и сколько ещё будет? А в большом городе жить спокойнее, да и возможностей поболее будет. Потому как у хорошего мастера достаток тоже побольше выйдет.

– А лавки там какие? Товару много, даже заморские ткани продают. А если ладья будет, можно самому за товаром ходить, благо я знаю – куда и за чем.

Вот на эти мои слова сначала Любава, а потом и глава се-

мы крепко задумались.

А мне-то только лучше будет, если сманю кузнеца с собой. Он уже проверен, соображает хорошо, да и мастер толковый. И я больше чем уверен, что не сможет Головня тут дальше жить, душно ему будет, всё-таки глотнул свежего воздуха новых знаний и перемен. Сейчас ещё про арбалет расскажу, и кузнец никуда не денется.

– Только-только печку такую красивую сложили, жить стали лучше, достаток появился, и что – всё заново начинать? – сомневается Любава. – А вдруг ничего не получится, кому мы там нужны будем?

– Попросим приглядеть за избой соседей, если не выйдет ничего, вернёмся, – размышляет вслух кузнец.

– Выйдет у нас всё. И избы у нас будут лучше этой, и печи сложим другие, дело своё поднимем, торговлю откроем, хорошо нам будет, – вклиниваюсь я. – Первое время, конечно, будет очень трудно – пока обживёмся, пока дело наладим – но наладится всё, и заживём лучше прежнего, – добавляю. Дальше уговаривать не стоит, пусть это переварят сначала, пора переключать внимание и подбрасывать новую идею:

– Послушай, напарник, мне тут одна идея в голову пришла. Мне нужно оружие дальнего боя. Близко я могу ножами орудовать, а вот если дальше, то у меня ничего и нет. Из лука я так и не смог научиться стрелять. Вот посмотри на рисунок, хочу такое вот сделать, сможешь? – И разворачиваю небольшой кусок бересты с кое-как намалёванным уг-

лём чертёжиком. Даже не чертёжиком, а скорее, простенькой схемкой.

Сработало, кузнец с головой уходит в новую для него за-тею, будет у меня скоро арбалет.

Изучив рисунок, мастер засыпает меня вопросами. По мере сил стараюсь рассказать всё, что знаю об этом оружии, которое якобы видел на своей далёкой Родине.

По моим задумкам, арбалет должен гарантированно пробивать местные доспехи до ста метров, дальше я просто не попаду, и прикладывать большие усилия на взводе ни к чему. Лучше быстрее взводить и чаще стрелять. Да и никакой я не Робин Гуд – если метрах на пятидесяти буду уверенно поражать мишень, то и хорошо.

Ложе я сам вырежу, а всё железо мне мастер сделает, включая болты. У меня ещё много металла осталось с первого памятного боя.

С бронёй только пока придётся повременить. Делать полноценный доспех мне ни к чему, пока воевать я не собираюсь, может, потом как-нибудь займётся.

Озадачиваю мастера необходимостью держать новое оружие втайне от всех, вот сделаем и покажем Изяславу, посмотрим, что на это скажет десятник.

На дворе темнеет, и я начинаю прощаться. Любава собирает мне корзину с едой, наливает молока в кувшин. Благодарю и, пожелав всем спокойной ночи, в сопровождении своего верного друга, возвращаюсь к себе домой. Завтра на-

чинаю новую печь для обжига – процесс идёт вперёд.

Утром ставлю двух работников на кирпич – пусть формуют, одного на поднос материалов для новой печи, а самого толкового назначаю помощником, и начинаю кладку. Фундамент подготовлен, можно работать, думаю, в неделю уложимся.

Выкладываю первый ряд и передаю работу помощнику, пусть набивает руку, пока я рядом. Так, не спеша, с объяснениями, поднимаем до обеда шесть рядков. У парня начинает появляться уверенность, руки перестают трястись, и к делу подключается голова. Начинает задавать правильные вопросы. После обеда продолжаем кладку и догоняем к вечеру до десяти рядков, дальше не рискуем, и так погорячились.

Перед ужином собираю ребят и спрашиваю, нравится ли им эта работа? Получаю горячий утвердительный ответ и ставлю стратегическую задачу на будущее. За лето каждый должен научиться работать с глиной и кирпичом, после моего отъезда всё производство оставлю им в равных долях. Поэтому пусть решают, смогут ли потянуть это дело.

Смотрю, начинают мяться, возникает заминка.

– Взял в руки кельму – работай, – переиначиваю известное крылатое выражение применительно к текущим реалиям. – Ну, что засомневались, рассказывайте.

Рассказывают. Смысл в том, что им нечем со мной расчитаться, ведь я им оставляю целое богатство – печи, навес, инструмент.

– Я собираюсь перебраться в Плесков, там буду налаживать такое же производство, как здесь, только бóльших объёмов – город-то большой и работы там будет много. Да и денег там у жителей больше, значит, и заработки будут выше. Приеду, осмотрюсь и начну строительство, и вот тут мне без помощников не обойтись. Предлагаю вам потом перебраться ко мне, кто захочет, конечно. Жильё и оплата будут по совести, а там и в долю войдёте. – Объясняю ребятам свои планы. – А пока работайте и набирайтесь опыта. Может, кто-то из вас и не захочет ехать ко мне.

Смотрю, задумались крепко, глаза загорелись. Будет толк. Как всегда, точно к ужину подходит Мстиша. Чует он это дело – мудрый воин. Не спеша отдаём должное Любавиной стряпне, и я выспрашиваю об Изборске и Плескове. Меня интересует буквально всё, и дружинник добросовестно отвечает на мои вопросы, что-то уточняет сам, рассказывает о тамошних порядках и правилах. В большей степени меня интересует Трувор, и тут выясняется интересная подробность. Оказывается, десяток меняется осенью. Если есть такое желание, мне лучше подойти к Изяславу и договориться о совместном походе. Наверняка тот не откажет, всё-таки авторитет я тут уже заработал солидный. Эта новость заставляет меня крепко задуматься: во-первых, появляется шанс добраться до Изборска под защитой знакомого отряда, а, во-вторых, Изяслав может представить меня князю, да не может, а точно представит. Наверняка будет докладывать о произошедших

событиях и моё имя в докладе должно всплыть хотя бы раз. Если не в связи с нападением, то уж на мастера-печника тот захочет посмотреть точно. Срочно нужно арбалет собирать. Что-то кузнец запропал в своей кузне, даже на обед не появляется, похоже, сюрприз мне готовит. Надо начинать срочно резать ложе.

Благодарю Мстишу за обстоятельный рассказ и толковые советы и провожаю до склона. По пути ещё любопытствую, как работает новая печь, и на меня выплёскивается волна прямо детского восторга, которая заканчивается мощным одобрительным хлопком по спине. Такая вот благодарность мне не очень нравится, от хлопка я делаю несколько шагов вверх по склону – вот же лось здоровый. Окончательно прощаюсь и возвращаюсь к себе, измученный организм требует хорошего отдыха. Надо этот отдых ему предоставить.

С утра навёрстываю пропущенное вчера и делаю основательную разминку. Что интересно, ко мне присоединяются все парни, видимо за ночь надумали что-то. С расспросами не лезу, придёт время, и сами расскажут. Завтракаем, и определяю фронт работ каждому, сам же отправляюсь проведать своего напарника. Что-то он совсем запропал.

Кузня стоит пустая, и я распереживался, не случилось ли что плохое с моим приятелем. Быстрым шагом спешу к избе Головни, почти вбегаю в калитку, и... меня останавливает Любава.

– Погоди, Владимир, не буди мужа, две ночи почти не

спал, твои придумки ковал, дай отдохнуть ему. – Требовательно смотрит мне в глаза.

– Я его тоже два дня не видел, испугался, не случилось ли чего, вот, пришёл узнать, – смутившись, оправдываюсь.

– Молочка налью, выпьешь, успокоишься. – Улыбается глазами.

Прямо гора с плеч, очень я испугался, привязался сильно к своему новому другу.

Однако надо срочно ложе сделать, а то мастер не поймёт. Иду к плотнику и договариваюсь о ровной дубовой доске. Тут же намечаю приблизительные контуры, и мне обещают к вечеру вырезать по ним заготовку. Дальше я уже сам.

День пролетел, как всегда – быстрым соколом. Контролировал кладку печи, формовку, подсказывал, где надо. Готового кирпича с сегодняшним обжигом набирается как раз на новую печь. Кто там у нас на очереди, Головня знает – можно будет начинать класть. Все заказчики уже в курсе, что надо разобрать старую печь и очистить фундамент, у кого он есть. Такое у нас было условие – нет времени возиться с разборкой.

Вечером забираю готовую заготовку у плотника и захожу к своему напарнику, может, уже проснулся, всё-таки день проспал. Но у калитки детишки тихонько просветили меня, что тятка ещё спит и мама строго-настрого запретила шуметь.

Завтра встретимся и решим, что будем делать дальше.

Ужинаем с ребятами и прощаемся до утра.

Утром опять разминаюсь в компании парней – стараются повторять все мои упражнения, но получается у них пока плохо. Посмотрю, надолго ли этот запал. А ведь мне необходима будет команда верных людей, всё и везде я один не смогу делать – нужны помощники, которым смогу доверить свои секреты.

Задачи остаются прежние, и ребята продолжают работать, а я устраиваюсь под навесом и начинаю обрабатывать ложе под себя. Дуб режется тяжело, но к обеду заготовка принимает более или менее законченный вид. Жаль, что нет рашпиля или наждачки, с ними результат был бы ещё лучше. Рашпиль можно сделать, наверное. Чугун тут уже знаком, литьё только нужно наладить.

А вот наконец-то явление кузнеца народу – со склона быстрым скоком спускается мастер. Радостно всех приветствует и настойчиво зовёт меня в кузню. Значит, есть результат!

Откуда-то из тёмного угла, разворошив разный хлам, достаёт небольшой свёрток и осторожно опускает его на верстак. Бережно разворачивает холстину, позвякивая содержимым, и выкладывает в ряд детали будущего механизма. Примащиваю рядом ложе, и мы начинаем на нём размечать все необходимые отверстия по месту.

Заодно спрашиваю о возможности сделать рашпиль. Подобие напильников-то уже есть, значит, остаётся только сде-

лать насечки покрупнее, и можно будет обрабатывать дерево. Разметили вырез под спусковую скобу, надо будет завтра высверлить и собрать все части в единое целое. Больше всего пришлось повозиться с пружинами, хвастает мастер.

– Так это здорово, – отвечаю. – Теперь нужно совершенствовать процесс и отработать технологию – потом пригодится, а пока ещё штуки три сделаем и хватит.

Головня чешет в затылке, удивляясь мудрёным словам, но молчит.

Отдельно мастер по одному выкладывает болты. Для начала сделал пять штук, остальные тогда, когда увидит результат. Радует, что удалось решить вопрос с плечами – сомневался, получится ли пружинная сталь. Мне пришлось напрячь память и выложить всё, что знал о производстве такой стали в домашних условиях.

В конце концов, не выдерживаем и отправляемся к плотнику, чтобы вырезать отверстие под спусковой механизм и жёлоб, где и пропадаем дотемна, потому что и плотнику тоже очень любопытно, что это мы придумали. Это радует, у нас появляется ещё один единомышленник, которому я выдаю идею о рашпилях. Под это дело возникший вопрос о древках для болтов и ещё трёх ложах для самострела решается сам собой, единственно, он просит посмотреть на конечный результат. Обещаем позвать на испытания.

Глава 5. Новое оружие. Засада на лесной дороге

Выходим от плотника, и Головня приглашает на ужин. По пути делюсь мыслями о выборе будущего места нашего проживания. В самом городище селиться нет смысла – будет тесно и нам, и нашим планам. А планов хватает. По ним обязательно рядом должен быть хороший ручей или небольшая речка. На недоумённый вопрос мастера: «Да ведь в городище среди людей будет и веселее, и легче жить?» – ответ давно готов:

– Легче-то легче, да не развернуться нам будет в тесноте городища. Нам земли нужно будет много. Смотри. Кузню ставить надо? Надо. Да не одну. Гончарную и плотницкую мастерские? Тоже надо. Кирпичи продолжим делать – сколько земли понадобится? А верфь заложим? Речка рядом обязательно должна быть, если в море выходить собираемся. Почему желательно в стороне от других домов?

Объясняю принцип привода молота и пилы для распиловки досок от водяного колеса. Кузнец задумывается и задаёт неожиданный вопрос:

– Чего тебе дома не сиделось, если в твоей стране столько знаний и разных нужных и хороших мастеров? Ведь там у тебя люди, наверное, очень хорошо живут, если такие полез-

ные вещи умеют делать? Зачем сюда добирался?

Теперь уже мне приходится задуматься:

– Понимаешь, это я там вырос, но мои родители родились здесь, в этих краях. Вот и захотелось посмотреть места, где жили мои предки... А знания... Так это хорошо, что я много узнал там, вот теперь всё делаю для того, чтобы и ты тоже столько же знал. Разве это плохо? По-моему, только хорошо. А если нам эти знания помогут семье свои прокормить и детей на ноги поднять, от врагов отбиться без потерь, верных друзей и соратников к себе подтянуть? Вместе нам легче будет жить, работать и воевать, если придётся. А там, откуда я... Там больше каждый сам за себя, веры людям мало, всяк норовит одеяло на себя натянуть... Не нравится мне это...

– Тебе только очень осторожным нужно быть, недаром, думаю, твои родители отсюда уехали, значит, причина была серьёзная. И ещё – не советую тебе по отчеству представляться, сразу понятно становится, что не простая кровь в тебе течёт. Сначала разузнать потихоньку о родителях надо, вдруг до сих пор помнят о них и ищут, – тихо советует кузнец.

Вот это я влип. Одно утешает – не знал и не думал об этом, когда языком брякнул. Ничего, выкрутимся, не в первый раз. Благодарю мастера и до дома мы молчим, есть, что обдумать каждому. А в доме я забываю обо всём, детишки не дают задумываться – вопросы, торможения, мельтешение и рассказы о своих детских проблемах. Маленькая Красавуш-

ка не слезает с колен, и я просто сижу и отдыхаю душой.

На вопрос о доме, где жил, начинаю рассказ и не замечаю, как вокруг устанавливается звонкая тишина. Вынырнув из воспоминаний о своём доме, вижу вокруг большие круглые глаза и, наконец-то, обращаю внимание на установившуюся вокруг тишину. Судорожно начинаю вспоминать, о чём я мог проболтаться, пока Любава своим вопросом не успокаивает меня:

– Это ж сколько комнат у тебя было, терем целый получается? Родители знатные, видимо?

Вот и Любава о том же. Сговорились между собой, что ли?

Но отвечать что-то надо, и я, не найдя ничего лучше, просто машу рукой с видимым нежеланием отвечать на вопрос. Да и мастер помог, шикнул на жену тихонько. И быстро переключил разговор на водяное колесо, лесопилку и молот, спасибо ему. Новая тема быстро занимает всех домашних, и мы бурно обсуждаем, какие возможности может принести новое дело. Даже детишки, которые постарше, притихли и внимательно слушают. По глазам видно, что очень им интересно и любопытно. Но молчат, во взрослый разговор не лезут.

Засидевшись допоздна, возвращаюсь домой под свет звёзд, хорошо, что Громчику свет почти не нужен и он прекрасно выводит меня к моей берлоге. Собака тоже довольна, затисканная и закормленная детьми, быстро заваливается спать. А я ещё долго ворочаюсь, шурша высохшим камы-

шом – нужно обмозговать появившуюся информацию. Что-то моё путешествие в Изборск перестаёт быть таким желанным, удавят меня там по-тихому, не спрашивая, на всякий случай, и прощай все мои планы и начинания. Да и не понятно, для чего меня сюда закинуло, должен же быть смысл всему этому? Ничего, разберёмся, просто время, видимо, ещё не пришло.

В голове мешанина из проектов, попыток вспомнить историю из прочитанных книг. Всё это прокручивается по кругу раз за разом, и под утро, с тяжёлой головой, я забываюсь в коротком сне.

А утром все мои страхи и сомнения улетают прочь, и мы приступаем к кладке очередной печи.

Вчера договорились с Головнёй, что он сегодня собирает и подгоняет части арбалета, а мы по его списку идём к очередному заказчику. Продолжаю натаскивать ребят печному делу, и их успехи мне нравятся. Новые знания и умения просто проглатывают. Думаю, печь мы уже сможем сложить такими темпами дней за шесть. Вспомнил и показал, как с помощью бечеvy делать пространственный каркас, что очень ускорило работу.

Утром ребята выскочили на разминку без меня, что обрадовало и внушило некоторый оптимизм.

И, смотрю, они как-то внутренне подобрались, серьёзнее стали, смотрят и слушают очень внимательно, знаний не хватает, конечно, но желания эти знания получить – запредель-

ные. Складывается команда, почин положен. Конечно, кто-то останется здесь, но даже если хотя бы один человек пойдёт за мной – будет уже гораздо легче.

Прокрутив в голове и обдумав ночью наш вчерашний разговор в избе кузнеца, решаю сделать себе что-то вроде бронжилета скрытого ношения, так, на всякий случай. Лучше перестраховаться.

Поэтому во время работы размышляю, как лучше сделать для себя незаметную под одеждой защиту. А что? Руки-то отдельно от головы работают.

Опять придется подключать кузнеца – вот он обрадуется, наверное. Хорошо ещё, что работы у него пока мало.

На сегодня работы с печью закончили, пусть сохнет, а мне надо наведаться к плотнику и поговорить с ним. А предлог, вот он – мой заказ на ложи. Предварительный уговор был, но нужно обсудить частности.

С плотником проще, семья у него небольшая, а работы тут практически нет. Каждый мужчина умеет сделать самое необходимое для своего дома и своей семьи. К плотнику обращаются совсем неумехи, а таких тут нет. Очень уж маленькое поселение. Поэтому стоит поговорить с ним, прощупать и предложить работать со мной, обрисовав все трудности и перспективы, благо разговор будет строиться не на пустом месте – результаты всему поселению видны, и отбоя от желающих пристроить своих отпрысков на моё производство уже нет.

Разговор с плотником идёт по намеченному сценарию – осматриваю заготовки, уточняю намеченные контуры, что-то меняю и перерисовываю. Плохо, что нет в селении оружейника – пригодился бы. Разговор плавно перевожу на его умения и желания и убеждаюсь в правильности своих выводов. Вслух якобы размышляю о своих планах по плотницкой мастерской в городе, водяном приводе на лесопилке и производству досок. Мастер удивляется, ведь доски тут рубят топором, только коротыши могут сначала расколоть клинья-ми, а потом обтёсывают в размер. Рассказываю про рубанки. На этом заканчиваю разговор, достаточно для первого раза. Пора идти в кузню, наверняка там уже всё готово. Захожу внутрь, вижу задумавшегося кузнеца, сидящего на чурбаке. Перед ним на верстаке лежит собранный арбалет. Присаживаюсь рядом, и мастер вздрагивает, очнувшись.

Поворачивается ко мне:

– Вот смотрю, какая вещь получилась. Делал, делал, а как сделал и собрал, обомлел. Вон, гляди, выстрелил для пробы в стенку, что за кузней. Хоть и глиняная стенка-то, а болт её насквозь пробил и улетел, так его и не нашёл. Не видел я такого у нас, даже не слышал. Это ж... – Знакомым жестом лохматит шевелюру и разводит руками. – И это, как ты говоришь, слабый. Что же тогда с сильным будет?

– Вот поэтому я тебе и говорил, что всё в тайне надо держать. Если кто посторонний увидит, скажем, что это я привез с собой, а спрятал в лесу. Разбойники меня грабили, вос-

пользоваться не успел, только в кусты отбросил, а вот сейчас забрал. Сделаем таких же ещё три штуки и хватит. Когда в город переезжать будем, нам они пригодятся, да и там первое время с ними спокойнее, от лихих людей всегда отобьёмся. А вот когда на ноги встанем, тогда и подумаем, что с ними дальше делать. Но, я думаю, надо их оставить для собственной защиты, дел нам много разных предстоит. Может, ещё князю покажем.

– Давай хоть посмотрю, что у нас с тобой получилось в итоге. – Беру в руки готовый арбалет.

Рассматриваю, кручу со всех сторон, пробую спуск, оцениваю усилие взведения. Мне нравится, получилось именно то, что я и хотел. Удобный, достаточно компактный, взвести можно без особых проблем. Завтра зовём плотника на стрелковые испытания, но перед этим нужно будет с ним переговорить, пусть определяется с нами он или нет. От этого его решения будет зависеть, допустим ли мы его до этого, столь великого секрета, как и до многих других, или его дело сторона и он просто проходит мимо. Думаю, после такого разговора в команде появится ещё один умелец, и мои возможности по прогрессорству увеличатся.

Жалко, болтов осталось четыре, надо подумать, где и во что стрелять, чтобы оставшиеся не потерять.

Озадачиваю мастера изготовлением прижимной планки с целиком и кольца с мушкой.

Объясняю, для чего это нужно, и мастер, озадачившись,

кивает, что понял и сделает. Помявшись и получив в ответ вопросительный взгляд, начинаю озвучивать мастеру свои мысли после вчерашнего разговора у него дома. Встречаю полную поддержку и прошу наделать несколько десятков тонких пластин с отверстиями под крепёж. Рисую, как и где они будут крепиться, и мастер опять чешет голову, никто такого ещё не делал. Опять объясняю, для каких целей так нужно сделать, и мастер, кивая, полностью со мной соглашается. Ещё уточняю, что пластинки обязательно нужно закалить, на что получаю убийственный ответ:

– Сам знаю, поучи еще!

Приплыли. Хотя, с одной стороны, это и хорошо, если инициатива разумная и творческая. Задумываюсь и прошу кузнеца выковать ещё столько же пластинок без отверстий. На вопрос об оплате получаю недвусмысленный ответ, куда могу идти. Ну да, мы же доход с печей делим поровну, после выплаты всех расходов, и суммы получаются очень хорошие. А по меркам этого поселения мы уже богачи.

Спрашиваю ещё, сможет ли Любава пошить мне особую рубаху с карманами под эти пластины.

И снова мне приходится объяснять, что такое карманы и для чего они предназначены.

Попрощавшись, выхожу на улицу, что-то давно я на воинском дворе не был. Забыл уже, как Изяслав выглядит, да и Мстишу повидать надо бы. Тренировки мои позабросили, выяснить нужно, почему.

На воинской площадке, несмотря на вечер, идёт отработка навыков, и я бочком, чтобы не мешать, прохожу в избу и здороваюсь с десятником. Изяслав встаёт навстречу, и мы здороваемся. Воистину, мой авторитет значительно подрос – в первую нашу встречу он и не думал вставать.

Интересуюсь, как работает печь, всё ли ладно. Доволен десятник, даже жмурится.

– Прибуду в Изборск, обязательно о тебе доложу князю, должны такие чудеса и у него стоять, негоже ему дымом дышать да кашлять.

– Вот об этом я и хотел с тобой поговорить. Надумал я перебраться в город Плесков. Для начала остановлюсь в Изборске, и просил бы тебя представить меня князю. Затем поеду искать место для своего поселения рядом с Плесковским озером, где и буду ставить печи и ямы для кирпича. Народу там больше, а, значит, и заработки будут больше. Вот и хотел спросить твоего разрешения при переезде присоединиться к твоему десятку – так мне безопаснее будет, а тебя я не стесню.

Задумался Изяслав, сидим, молчим.

– Сейчас я не против, но давай к этому разговору позже вернёмся, может, все наши планы ещё и поменяются, – наконец отвечает десятник. – Если с нами пойдёшь, тебе конь нужен будет, справишься ли?

– А я рассчитывал на телеге поехать. – Чешу в затылке озадаченно. У Головни научился, что ли?

– Да ты ж нас опозоришь. На телеге, придумал тоже, – смеётся и возмущается Изяслав. – Да и не поспеешь на телеге за нами.

Вот это проблема, на лошади-то я последний раз в деревне, ещё будучи мальцом, катался.

Сообщаю об этом десятнику и получаю в ответ недоумённый взгляд.

– Ну, не умею и что теперь, не ехать? – теперь уже недоумеваю я.

Как я понимаю десятника, свалился на его голову, покоя не даю, одни заботы и нервотрёпка от меня, хотя и польза тоже есть, вон она – в углу стоит, тепло отдаёт.

В конце концов, договариваемся, что тот же Мстиша будет учить меня верховой езде. Спрашиваю, что давно его не видел, не случилось ли чего с моим товарищем, который даже мои тренировки забросил. Последнее звучит тонким намёком, и Изяслав это понимает:

– В дальнем дозоре он, опять литты зашевелились, поселян спалили на границе, шалить начали, мелкими группами пробираются, налетают, грабят, режут народишко, скот и молодёжь в полон угоняют. А нас тут мало, только по разорённому дыму и ориентируемся. – Сжимает кулаки до скрипа.

– Может, поможешь? Приказать не могу, но людей мало, сам понимаешь. А Мстиша рассказывал, что ты мечом научился владеть хорошо, а ножи кидать – тебе равных тут нет. Нам бы засады расставить на дорогах, так тропы остаются

открытыми. Вот посидел бы ты на какой-то тропе, нам бы всё спокойнее было. Снабдим тебя пропитанием, напарника дадим – кого хочешь, да вот Мстишу и дадим. Коня у тебя пока нет? Нет. Вот коня и дадим, правда, с возвратом. Соглашайся, выручишь очень и тебе потом у князя замолвится.

Страшновато, да делать нечего, надо соглашаться. Потом зачтётся. Возьму арбалет, болтов десяток, свои ножи. Может, успею свой бронежилет сделать, тогда вообще хорошо будет.

– Согласен, – коротко отвечаю, что попусту болтать. – Когда выезжать нужно?

– Вот Мстиша из дозора вернётся, отдохнёт, да и пойдёте денька через три. – С облегчением выдыхает десятник.

– Тогда у меня просьба будет. – Вижу, как вытягивается лицо Изяслава, и улыбаюсь. – Сразу, как Мстиша появится, за мной пришлите кого-нибудь.

– Ах ты... – восклицает десятник смущённо. – Уел. Конечно, пришлю дружинника.

На этой оптимистичной ноте мы и прощаемся. Дело не терпит отлагательств, и я решаю зайти домой к Головне – надо ускорить работу с болтами и пластинами. Мне моя драгоценная жизнь ещё пригодится, да и много людей вокруг уже на меня завязано, и я перед ними свои обязательства не хочу нарушать.

Озадачиваю мастера новостями, и договариваемся завтра утречком встретиться в кузнице.

Ухожу к себе, надо успеть поговорить с ребятами, пока не разбрелись по домам.

Собираю короткое производственное совещание, где уточняю работу на завтра и расписываю работы на неделю вперед. Печь мы успеем закончить, и все силы нужно бросить на производство кирпича. Чем больше мы сделаем, тем быстрее будем заказы выполнять. До моего отъезда времени осталось месяца два, нужно успеть. Напоследок рассказываю о своей верше и предлагаю ребятам заниматься в свободное время ловлей рыбы. И из дома меньше продуктов уходить будет, и какая-то независимость появится. Уточняю, думали ли о переезде, разговаривали ли с родителями и выясняю, что из четырех ребят со мной готовы и поедут трое парней. Вот и славно. Поэтому тут же объясняю всем, как отныне будут строиться наши отношения. Все усилия нужно направить на обучение оставшегося ученика, ведь дальше, после нашего отъезда, ему предстоит работать самому. А чтобы ему на первых порах было легче, необходимо сделать хороший запас кирпича. Заостряю внимание теперь уже моей тройки на обязательных утренних разминках и озадачиваю занятиями воинской наукой – нам это понадобится.

На этой оптимистичной ноте заканчиваю свой почти монолог и отправляю ребят на отдых. Да и самому пора на боковую. Только укладываюсь, появляется моя собака. Где носился?

Утро посвящаю разминке и упражнениям, после завтрака

– кладка печи, начинаем учёбу остающегося паренька. Ничего, что учёба началась с середины, будут ещё печи, научится. Тут самое главное – понять принцип, остальное приложится. Обед. Иду в кузню, а там крутится плотник.

Не утерпел, пришёл, значит, будет с нами, никуда не денется.

Уходим втроём в дальний овраг, с собой берём лопату и корзину из тех, что поплоче. Набиваем прихваченную плетёнку песком и ставим под склон. Отхожу метров на двадцать, взвожу, прицеливаюсь и стреляю. Мимо. Головня сделал прицельное – теперь нужно пристрелять. Отдача небольшая, больше тетива хлопает. Откапываю стрелу, еле докопался – ушла в склон сантиметров на тридцать. Поправляю прицел и стреляю. Попал, корзина вздрагивает, и песок летит во все стороны. Как маленькие, несёмся смотреть результат. А он впечатляет. Попал практически туда, куда целился – корзину с песком пробило почти насквозь, с противоположной стороны торчит острие болта.

Головня смотрит на меня, в глазах вопрос и азарт. Киваю головой и передаю ему наше совместное изделие. Сам стою рядом и контролирую. Кузнец делает два выстрела. После каждого, как дети, с плотником бегают смотреть результаты. А я просто радуюсь, мне всё уже понятно, у меня появилось оружие среднего боя. После короткого инструктажа, получив заверения не болтать об увиденном, разрешаю плотнику пострелять. Дали ребёнку долгожданную игрушку – так это

называется.

Даже Головня смотрит снисходительно на то, как плотник бережно, словно великую драгоценность, принимает арбалет и ласково гладит по ложе наше общее творение. После стрельб возвращаемся, радостно гомоня каждый о своём. Многострадальную корзину пришлось оставить в овраге, расстреляли её напрочь. В кузне ещё раз напоминаю плотнику о клятве и рассказываю об услышанном от десятника. Никого этим особо не впечатляю, привыкли люди к постоянной угрозе нападения.

Кузнец показывает готовые заготовки для жилета, плотник обещает завтра принести древки для болтов. Вижу, что ему очень интересно расспросить про жилет, но сдерживается. Молодец, будет толк!

Оставляю кузнеца трудиться и вместе с плотником иду в селение. Мне нужен кожевник – надо заказать какую-нибудь сумку для болтов и чехол для арбалета. Ещё хочу узнать, можно ли сделать жилет из толстой кожи, чтобы застёгивался сбоку.

По дороге плотник пытается расспросить меня о дальнейших планах, о лесопилках и рубанках. Немного рассказываю ему об этих новшествах и уточняю, что всё это буду делать в Плескове, куда уеду по осени.

– Планов много, задумок ещё больше, а людей верных и надёжных, да опытных, не хватает. Мне одному не разорваться, придётся подыскивать кого-то на эту работу, – за-

брасываю удочку мастеру.

– А платить сколько будешь? – ловится на крючок плотник.

– Решим. Или долю выделю, или, как договоримся. – Уточняю: – Работы будет очень много, сначала придётся затянуть пояса, пока не раскрутимся, зато потом отбоя не будет от заказчиков, ещё и сами торговать поплывём в Варяжское море.

– Эка ты хватил – через море. На чём поплывёшь-то? – Сомневается.

– Ладью мореходную построим, будем сами торговать. Да тебе-то, какая разница, ты всё равно тут живёшь, это мы с Головной переезжать будем в Плесков по осени, – осаживаю плотника. Пусть подумает, помечтает.

Со скорняком быстро решаю все вопросы, благо материал в наличии имеется. Расплачиваюсь сразу же, и мастер уверяет меня, что мой заказ будет готов послезавтра.

Возвращаюсь к себе, присаживаюсь на чурбачок и наблюдаю за тем, как работают мои ученики. А как известно, бесконечно можно смотреть на огонь, текущую воду и на то, как работают другие.

Только я при этом ещё и думаю, а подумать есть о чём. Мне нужна броня на боевые выходы, и просто жизненно необходима такая защита, которую не будет видно под повседневной одеждой.

С первым понятно – есть кожаная куртка, обошьём её же-

лезом и пока достаточно. Насчёт второго – думаю, что мне хватит жилета, только пластины я будушивать изнутри. А с этим мне поможет Любава – с изнанки нашьёт карманов и вставим туда пластины. Будет бронежилет скрытого ношения.

В дозор нужно приготовить куртку. И ночью будет теплее, да и защиты в ней больше, всё-таки она длинная, до середины бедра.

Определившись, таким образом, со своей пассивной защитой, вздохнул облегчённо и, взяв свою трофейную куртку, опять пошёл беспокоить кузнеца. Ничего, зато сюрприз ему будет.

Подходя к кузне, громко зову мастера:

– Головня, открывай, сюрприз пришёл!

Двери распахиваются, недоумённый взгляд мастера:

– Где сюрприз?

Шутка не удалась, и я вынужден объяснить ему и про сюрприз, и про дурацкие шутки, короче, выгляжу полным бараном. Одно утешение – можно всё списать на моё заморское происхождение. Нужно как-то шутить умнее, что ли.

Быстро переключаю внимание мастера на куртку. Надо её обшить пластинами внахлёт, будет что-то вроде чешуйчатого панциря, только немного легче за счёт более тонких стальных пластин. Посоветовавшись, отказываемся от сплошной обшивки, оставляем сплошную внахлёт только на груди и спине, закрываем живот, бока закрываем через раз – гиб-

кость мне нужнее, в сечу я не полезу. Наручи, поножи тоже не делаем, ну не боец я ещё. Если на меня всё это железо навесить, я ж не встану. Буду стараться, если что, действовать издалека – благо теперь есть чем. Так, споря, обшиваем куртку. Примеряю... Придётся смириться с таким весом, постепенно привыкну. Надо походить эти дни не снимая, потом легче будет.

Пора по домам, расходимся в разные стороны, вот и ещё один день прошёл.

После утренней, уже ставшей обязательной разминки, отправляю ребят докладывать печь. Пусть почувствуют личную ответственность, да и всё сложное уже сделано, а сегодня должны сделать распушку и выдру. Видели, как я делал, значит – сумеют. Пусть стараются, потом проверю, если что – переложим.

Сам ношу свою куртку, привыкаю, весь взопрел уже. А куда деваться, если есть такое волшебное слово НАДО! Сегодняшний день посвящаю тренировке с арбалетом. Надо отработать до автоматизма взведение, зарядание и стрельбу стоя, с колена, сидя, лёжа. Что ещё не назвал? Начнём, а там видно будет. Жизнь покажет и научит, если будет потом кого учить...

Забираю у кузнеца десяток готовых болтов и ухожу в тот же овраг, где стреляли в прошлый раз. Думаю, сегодня добыю ту корзину до конца.

В обед устраиваю перерыв и проверяю успехи у моих ре-

бят. Все ещё работают, стараются, поэтому и получается так медленно. Ничего, это хорошо, было бы хуже, если б бездумно спешили.

Подбадриваю молодых уже мастеров и возвращаюсь в лагерь. Быстро перекусываю и, свистнув Грома, ухожу на своё стрельбище продолжать тренировку. Вечером проверяем вместе с кузнецом износ механизма и состояние плеч и тетивы. Механизм притёрся и работает даже лучше, чем в начале. Тетиву тоже решаем пока оставить. Завтра продолжу тренировки и посмотрим, на сколько её хватит. Прошу Головню забрать утром у скорняка готовые изделия и заглянуть к плотнику, пора бы ему тоже закончить наш заказ. Советую заказать ему ещё заготовок для болтов.

Договариваемся встретиться после завтрака в кузнице.

Вот так медленно со скрипом и прошли эти дни до появления вестника. Честно скажу, всё это время сильно волновался, потому и тянулось тягучей патокой время. Правда, старался не подавать вида – не знаю, насколько мне это удалось. Всё время занимался стрельбой и теперь уверенно поражаю новую корзину шагов с пятидесяти, а уж с тридцати болт укладываю в любую точку на выбор. Про ножи тоже не забыл, и законные тридцать минут в конце дня посвящаю упражнениям по метанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.